

НОРМАН СКАЙ

ЖИЗНЬ ПОД МОИМ ИМЕНЕМ

18+

ДВЕ ЖИЗНИ. ОДНО ИМЯ.

Норман Скай

Жизнь под моим именем

<https://litres.ru/74660517>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дэниел Рид умеет придумывать истории, но собственный роман всё откладывает на потом. Однажды он приходит в себя в больнице: за ним приехала жена, которую он не узнаёт. Дома его ждут двое детей, а на обложках книг стоит его имя.

Стоит уснуть — и он снова в знакомой квартире, где нет ни семьи, ни изданных романов. Теперь каждое пробуждение возвращает его в одну из двух жизней. Обе продолжаются. Обе оставляют следы.

Дэниел заводит две тетради и ищет доказательство, которое поможет отличить настоящее от вымысла. Но знания, принесённые из одной жизни в другую, оборачиваются ложью. Пока он разбирается в собственной биографии, людям рядом уже приходится жить с последствиями его поступков.

Две жизни. Одно имя. И ответственность, которую нельзя отложить до пробуждения.

Содержание

Часть I. Незнакомый дом	4
01. Подходящее время	4
02. За ним приехали	18
03. Папа вернулся	32
04. Никакой повязки	51
05. Я вас не узнаю	60
06. Две тетради	74
07. Большое окно	83
08. Любимая сцена	99
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Норман Скай

Жизнь под моим именем

Часть I. Незнакомый дом

01. Подходящее время

— Скажите, что вы сейчас шутите, — попросила женщина в телефоне.

Дэниел смотрел на фотографию трёх коробок, которую она только что прислала. Коробки стояли в ещё не открывшемся кафе; на заднем плане мужчина в рабочих брюках держал под потолком металлическую рейку. Свободной рукой он показывал в камеру два пальца. Дэниел надеялся, что это размер недостающего отрезка.

— Дайте мне минуту проверить накладную.

— У меня уже есть накладная. Мне нужен свет.

Он отвёл трубку, прикрыл микрофон ладонью и повернулся к соседнему столу.

Майкл ел яблоко над раскрытой папкой. По его лицу было видно, что он понял всё ещё до вопроса.

— Какая длина? — спросил Дэниел.

Майкл перестал жевать.

— Не говори мне, что двухметровые.

Дэниел вернул трубку к уху.

— Мисс Хьюз, я вижу ошибку. Сейчас найду замену и перезвоню вам.

— Вы будете перезванивать мне до завтрашнего открытия?

Он посмотрел на часы. До конца рабочего дня оставалось сорок минут.

— Через десять минут, — сказал он. — Даже если к этому времени ещё не смогу назвать час доставки.

Майкл уже открыл заказ. Яблоко он положил на чистый лист рядом с клавиатурой; на бумаге сразу проступило влажное пятно.

В помещении «Роу Лайтинг» пахло картоном и тёплым пластиком. В дальнем конце, за стеклянной перегородкой, горели демонстрационные светильники. Кто-то утром выставил на них холодный белый свет, и теперь стена с образцами выглядела как витрина холодильника. Дэниел собирался переключить её ещё после обеда. Вместо этого он успел поесть у компьютера, ответить на четырнадцать писем и найти для водителя въезд во двор, который сам никогда не видел.

На сегодня у него был другой план: уйти вовремя.

Майкл развернул монитор.

— Вот. Три метра. В подтверждении три. На складе два.

— А в строке после правки?

Майкл прокрутил страницу ниже. Оба посмотрели на неё.

— Я скопировал старый код, — сказал Майкл.

Дэниел потянулся за собственной мышью. Через минуту они уже искали остатки по складам. Нужные рейки нашлись в четырёх экземплярах, только поставщик обещал привезти их послезавтра. Это обещание Дэниел видел много раз и знал, сколько разных значений у слова «послезавтра».

— Я могу съездить, — сказал Майкл.

— Они закрываются в пять.

— Если выехать сейчас...

Дэниел показал ему карту движения.

Майкл съел ещё кусочек яблока, словно проверял, помогает ли это думать.

— Можем соединить двухметровую и метровую.

— У неё по плану открытый потолок. Она три раза просила без стыка.

— Я знаю.

За перегородкой Том разговаривал с человеком в пальто, которое тот так и не снял. Том заметил их взгляды и поднял палец: одну минуту. Человек в пальто раскрыл каталог. Судя по толщине каталога, минута обещала быть длинной.

Дэниел снова открыл фотографию. У края снимка лежала снятая упаковка от светильников; над дверью висела старая вывеска прежнего владельца кафе, прикрытая газетой. Мужчина под потолком всё ещё показывал ему два пальца, застывший в своём недовольстве.

— У них есть машина? — спросил Майкл.

— У кафе?

— У поставщика. Своя, маленькая. Водитель иногда развозит срочное по дороге домой.

Дэниел повернулся к нему.

— Звони.

Майкл достал телефон, полистал контакты и отошёл к окну. Слушая его половину разговора, Дэниел открыл счёт. Они могли оплатить отдельную доставку и всё ещё не потерять деньги на заказе. Не все деньги, поправил он себя. Том непременно уточнит разницу.

— Нет, в Олдер-Хит ехать не надо, — вдруг сказал Майкл в телефон. — Это было один раз.

Он улыбнулся Дэниелу, и тот, к собственному неудовольствию, тоже улыбнулся.

Олдер-Хит возник три года назад, в пятницу, когда Майкл перепутал адреса двух доставок и не решился сразу признаться. Дэниел зачем-то взял вторую трубку и сообщил заказчику, что грузовик задержался в Олдер-Хит. Пока Майкл беспомощно размахивал руками, Дэниел успел придумать перекрытую дорогу, сельскую ярмарку и полицейского, который пропускал по одной машине каждые двадцать минут. Заказчик сказал, что знает те места, и спросил, ярмарка опять на лугу у моста или её наконец перенесли.

— Опять у моста, — ответил тогда Дэниел.

С тех пор всякая необъяснимая задержка в отделе происходила в Олдер-Хит. Чаще всего туда попадали деньги за

сверхурочную работу.

Теперь Майкл прикрыл микрофон.

— Может привезти к семи. Если прямо сейчас оформить.

— Сколько?

Он назвал сумму. Дэниел сморщился, но цифра помещалась в остаток.

— Пусть грузит.

— Том?

— Я к нему.

Дэниел прошёл за перегородку и дождался паузы. Человек в пальто выбирал между двумя почти одинаковыми светильниками. Он переводил взгляд с одного на другой с таким страданием, будто один из них был обязан испортить ему жизнь.

— Доставка по заказу Хьюз, — сказал Дэниел. — Ошибка в длине. Можем исправить сегодня за наш счёт. Нужно ваше подтверждение.

Том взял протянутый лист.

— Кто оформлял?

— Майкл. Я проверял окончательное подтверждение клиенту.

Это было правдой. В подтверждении стояли три метра, и на ту часть работы Дэниела, где они превратились в два, он до сих пор не смотрел.

Том ещё раз прочёл сумму.

— Оформляйте. Завтра покажете, где у нас расходятся до-

кументы.

Он не улыбнулся и не стал говорить, что за такие ошибки платят из собственного кармана. Дэниел был благодарен ему за обе вещи.

Вернувшись за стол, он набрал мисс Хьюз раньше, чем истекли обещанные десять минут.

Она выслушала его и попросила продиктовать номер водителя. Потом позвала монтажника. В трубке зашуршала одежда, и появился мужской голос.

— Они точно подходят к нашим переходникам?

Пришлось открыть ещё один каталог, сверить два кода и попросить фотографию разъёма крупнее. Майкл тем временем оформлял оплату. Дэниел стоял у его стола, держал телефон плечом и указывал пальцем на нужную строку.

Когда всё закончилось, часы показывали без двадцати шесть. Демонстрационная стена продолжала сиять больничным белым. Том вышел проводить посетителя и попросил их закрыть помещение.

Майкл швырнул яблочный огрызок в корзину, не попал и нагнулся за ним.

— Пиво за мной.

— У тебя оно уже на месяц вперёд за тобой.

— Тогда сегодня второе тоже.

Дэниел посмотрел на телефон. В календаре на шесть стоял зелёный прямоугольник: «Текст». Он сам выбрал для него этот цвет, чтобы отличать от рабочих встреч. Прямоуголь-

ник занимал два часа и никого, кроме него, не интересовал.

— Одно, — сказал Дэниел.

Он выключил светильники, проверил заднюю дверь и забрал из холодильника контейнер, который утром обещал себе не забыть.

* * *

В пабе их привычный стол занимали три женщины с раскрытой картой. Они спорили о маршруте так увлечённо, что ни разу не посмотрели на окно, за которым уже пошёл дождь. Дэниелу и Майклу достались высокие табуреты у стойки. Из кухни пахло жареным луком; у ног соседнего посетителя спала мокрая собака.

Майкл поставил перед Дэниелом стакан.

— За то, что в Олдер-Хит опять открыли дорогу.

— Не злоупотребляй. В следующий раз там обвалится мост.

— Я только запомню, что он там есть.

Они отпили. Дэниел почувствовал, как отпускает шею. Он весь день сидел, втянув голову в плечи, и обнаружил это только сейчас.

— Спасибо, — сказал Майкл уже другим голосом.

— Завтра сам разбираешь шаблон заказа.

— Я знаю.

— И старые коды тоже.

— Я знаю, Дэн.

Майкл стянул с табурета куртку, на которой сидел, и по-

весил на крючок. Дэниел понял, что продолжает говорить с ним так, словно они ещё в офисе, и замолчал.

Несколько минут они обсуждали Тома и человека в пальто. Потом Майкл рассказал, как накануне пытался собрать полку без инструкции. Полка осталась цела; стена — не совсем. В какой-то момент к рассказу присоединился бармен, который, оказывается, имел ровно такую же полку и совершенно другое мнение о прилагавшихся креплениях.

Дэниел смеялся. Ему было хорошо здесь, в тёплом шуме, с человеком, которому не надо объяснять, почему день выдался тяжёлым. Ещё полчаса назад он считал этот день украденным у собственной жизни. Теперь он мог бы остаться до закрытия.

Телефон завибрировал. Мисс Хьюз прислала фотографию новых коробок. В сообщении стояло: «Получили. Спасибо». На этот раз монтажник в кадр не попал.

Дэниел показал экран Майклу.

— В семь обещали, — сказал тот. — Вот видишь. Можем, когда не мешаем себе работать.

Он допил и повернулся к стойке.

— Тебе ещё?

— Мне за руль.

— Тогда безалкогольное.

Дэниел собирался сказать, что ему пора. Вместо этого кивнул.

Пока Майкл заказывал, он открыл календарь. Зелёный

прямоугольник уже наполовину ушёл в прошлое. Дэниел нажал на него и передвинул на завтра.

— Что у тебя там? — спросил Майкл, вернувшись.

— Ничего. Напоминание.

— Про книгу?

Дэниел убрал телефон.

Он пожалел, что однажды рассказал об этом Майклу. Они тогда засиделись допоздна, и речь зашла о том, чем занялись бы, получи каждый полгода свободного времени. Майкл собирался проехать на машине вдоль побережья, не бронируя ночлег заранее. Дэниел сказал, что написал бы роман. Сказал легко, как вещь, которую давно обдумал и почти начал.

Майкл отнёсся серьёзно.

— Можешь дать мне прочесть, — повторил он теперь. — Я ведь не предлагаю печатать его у Тома на принтере.

— Там пока нечего читать.

— Всё ещё?

— Спасибо за деликатность.

Майкл поднял ладони.

— Я не подкалываю. Ты тогда говорил, что начал.

Дэниел провёл большим пальцем по влажному кругу на стойке.

Начало было. Даже несколько. В одном мужчина возвращался в квартиру и обнаруживал, что жена переставила мебель. В другом женщина искала собаку. Третье начиналось с полицейского, хотя Дэниел ничего не знал ни о полиции, ни

о том, зачем ему понадобился именно полицейский. Дальше первых страниц ни одно начало не ушло.

Он умел рассказывать. Люди слушали его за столом, просили повторить истории, которые знали наизусть. Но стоило остаться перед экраном одному, как за каждым предложением появлялось возражение. Так не говорят. Так уже написано. Почему он вообще решил, что кому-то это будет нужно?

— Работа сейчас, — сказал Дэниел. — Потом выплаты за машину закончатся. Можно будет сократить часы.

— Когда они закончатся?

Он назвал месяц следующего года.

Майкл присвистнул.

— Ты можешь начать без машины в книге. Пусть все ходят пешком.

— Ты будешь прекрасным редактором.

— Я буду очень дешёвым редактором. Вот главное преимущество.

Дэниел снова засмеялся, но теперь ему хотелось сменить тему. Он спросил про поездку вдоль побережья. Майкл достал телефон и показал три места, в которых надеялся остановиться весной.

— Ты же не собирался бронировать заранее.

— Я и не бронирую. Просто хочу знать, где хорошие кровати.

На фотографиях были низкие дома, море и пустая дорога. Дэниел приблизил снимок комнаты с деревянным потолком.

У окна стоял маленький стол. За таким столом можно было бы работать по утрам, пока никто ничего от тебя не требует.

— Поехали со мной, — сказал Майкл. — На неделю хотя бы.

Дэниел вернул ему телефон.

— Посмотрим ближе к делу.

— Хорошо.

Майкл не стал спрашивать, к какому именно делу. За их спинами женщины наконец сложили карту и подняли бокалы. Судя по торжественным лицам, они успели добраться до места назначения, не покидая стола.

* * *

У дома Дэниел несколько раз сдал назад, пытаясь поставить хэтчбек между фургоном и чужой машиной. Двор был тесным, вода собиралась у бордюра; когда он наконец открыл дверь, пришлось переносить ногу через лужу.

В подъезде пахло чужим ужином. На площадке второго этажа соседка возилась с большим бумажным пакетом и ключами. Сверху торчал пучок зелёного лука.

— Подержишь? — спросила она.

Он перехватил пакет. Тот оказался тяжёлым; бутылки звякнули друг о друга.

Соседка нашла нужный ключ, открыла дверь и забрала покупки.

— Заходи как-нибудь. Всё время встречаемся на лестнице.

— Обязательно.

Она сказала это приветливо, без расчёта на приглашённого гостя, но Дэниел всё равно почувствовал, что дал ещё одно обещание. Он поднялся этажом выше и отпер собственную дверь.

В квартире было прохладно. Из кухни доносилось негромкое гудение холодильника. На сушилке висела рубашка, которую он утром не успел погладить; один рукав вывернулся и застыл так, будто кто-то просил пожать ему руку.

Дэниел включил чайник, поставил контейнер в раковину и заглянул в холодильник. Там были яйца, половина упаковки помидоров и готовая еда, купленная на выходных для такого вечера. Он выбрал готовую еду.

Пока она грелась, он открыл банковское приложение. Зарплата пришла утром. За день часть денег уже разошлась по привычным направлениям. Остаток выглядел достаточно прилично, пока Дэниел не вспомнил, что до следующей зарплаты ровно месяц.

Он закрыл приложение, открыл почту и увидел письмо из магазина, в котором когда-то купил письменный стол. Ему предлагали кресло, способное изменить представление о домашней работе. Дэниел посмотрел на своё кресло. Оно стояло спиной к окну, и на спинке висели брюки.

Микроволновка подала сигнал. Он поел над тарелкой, читая новости, после чего всё-таки вымыл контейнер. На дне присох соус. Пришлось залить его водой и подождать.

До сна оставалось достаточно времени.

Дэниел убрал брюки, сел за стол и включил ноутбук. В папке с текстами было больше названий, чем страниц. Он выбрал самое старое начало.

«Он понял, что в квартире кто-то был».

Дэниел прочёл строку ещё раз. Зачем понял? Что именно увидел? Почему этот человек не может просто войти в комнату?

Он удалил первое предложение. Написал другое, в котором мужчина ставил сумку на пол. Потом убрал сумку: пока непонятно, откуда он вернулся. В третьем варианте мужчина не возвращался, а просыпался.

На телефоне появилось сообщение от Майкла: фотография полки. Она висела криво, но не настолько, как следовало из рассказа.

Дэниел написал: «Для первого романа сойдёт».

Ответ пришёл почти сразу: «Присылай свой. Я тоже умею быть добрым».

Он посмотрел на экран ноутбука. Мужчина всё ещё просыпался. В комнате, которую Дэниел не видел, с ним должно было что-то произойти.

Он сохранил файл под прежним названием.

Потом долго чистил зубы, вспоминая, не оставил ли сегодня включённый свет в демонстрационной комнате. Вспомнил собственную руку на выключателе, успокоился и пошёл выключать свет на кухне.

В постели он прислушался к дождю. Вода попадала на металлический край наружного подоконника — три быстрых удара, пауза, ещё два. Сосед снизу негромко смотрел телевизор. Дэниел взял телефон, проверил будильник и положил его экраном вниз.

Завтра следовало приехать чуть раньше, чтобы вместе с Майклом разобраться в заказе. Он мысленно передвинул утренние дела, нашёл для них место и наконец повернулся на бок.

02. За ним приехали

— Дэн, ты готов?

Женщина стояла у кровати и складывала в сумку полотенце. Оно никак не помещалось; она вынула прозрачный пакет, переложила что-то на дно и попробовала ещё раз.

Дэниел хотел сказать, что она ошиблась, но в горле пересохло. Он приподнялся на локте и сразу остановился. Правый бок пронзила боль — резкая, узкая, будто под кожей натянули проволоку.

— Подожди. Не так.

Женщина бросила полотенце и подошла к нему. Её ладонь легла под его левое плечо. Другой рукой она поправила край одеяла, придерживая повязку на его предплечье.

— Я же сказала, что помогу.

Он послушно повернулся, опустил ноги на пол и сел. От движения комната поплыла в сторону. Дэниел закрыл глаза, переждал и открыл снова.

Комната осталась на месте.

Кровать, стул с одеждой, узкий шкаф. На противоположной стене висело объявление с нарисованными руками. Под дверью двигалась тень. Дэниел слышал скрип колёс, короткий смех и чужой голос, который спросил, кому нужен ещё один чай.

— Воды? — спросила женщина.

Он кивнул.

Стакан был пластиковый. Вода отдавала чем-то тёплым, больничным, хотя он не мог бы объяснить, как именно вода пахнет больницей. Он выпил почти всё и только тогда посмотрел на женщину прямо.

Светлые волосы были собраны сзади. Из кармана её пальто торчал свёрнутый лист бумаги. У левого глаза, там, где началась бы улыбка, лежала тонкая складка. Она была примерно его возраста, может быть немного моложе. Дэниел никогда её не видел.

— Извини, — сказал он.

— За что на этот раз?

Она улыбнулась, но улыбка быстро исчезла. Женщина смотрела на него, ожидая продолжения.

Он опустил глаза на собственную руку. Повязка начиналась чуть выше запястья и заканчивалась у середины предплечья. У края кожа желтела, дальше, ближе к локтю, шёл багровый подтёк. На другой руке был пластиковый браслет. Дэниел повернул его.

Имя прочитывалось без труда. Фамилия тоже. Дата рождения была его.

— Что случилось? — спросил он.

Женщина перестала застёгивать сумку.

— Что именно?

Он показал на руку.

— Авария, Дэн. — Она произнесла это медленнее, чем

предыдущие слова. — Ты помнишь, мы говорили утром?

Дэниел посмотрел на окно. За стеклом был светлый день. Он помнил дождь по подоконнику и телефон, который положил экраном вниз. Помнил, что завтра нужно приехать раньше и вместе с Майклом разобрать заказ.

Заказ мисс Хьюз уже доставили. Она прислала фотографию. Это было вчера.

— Я спал, — сказал он.

— Я видела. Не хотела будить раньше времени.

Женщина присела перед стулом и достала из-под него кроссовки. Одна шнуровка была распущена до самого носка. Она поставила обувь рядом с его ногами.

Дэниел узнал марку, но не помнил, чтобы покупал такую пару. На правом кроссовке белела широкая царапина.

— Сегодня какой день?

— Пятница.

Он поднял голову слишком быстро, и боль на мгновение вспыхнула за глазами.

— Пятница?

— Да. — Она смотрела всё внимательнее. — Голова опять болит?

Дэниел осторожно кивнул.

— Сейчас позову сестру.

— Не надо.

Женщина задержалась у двери.

Он сам не знал, почему её остановил. Слова вышли

прежде, чем он успел решить, чего боится сильнее: остаться с ней наедине или произнести вслух перед новым человеком, что не понимает, как сюда попал.

— Я только проснулся, — добавил он. — Дай мне минуту.

Она вернулась к сумке, но теперь уже ничего в неё не складывала.

Он опустил ступню в кроссовок. Левую руку получилось согнуть, хотя кожу под повязкой неприятно потянуло. С правой стороны груди болело всякий раз, когда он наклонялся. Женщина опустилась на колени и завязала шнурки.

— Я сам.

— Вижу.

Она сделала второй узел и поднялась. На её колготках осталась светлая пыль с пола. Она стряхнула её, не глядя.

В комнату постучали. Сестра вошла с папкой, поздоровалась с женщиной и спросила, нашли ли они вчера зарядку.

— Под креслом, — ответила та. — Бен туда всё складывал.

Сестра рассмеялась.

— Хорошее место. Я бы тоже не нашла.

Она повернулась к Дэниелу.

— Как вы себя чувствуете сейчас?

Он открыл рот.

Правильный ответ был длинным и невозможным. В понедельник он лёг в собственной квартире. Теперь была пятница, у него болел бок, а женщина, которую сестра знала по

имени, завязывала ему шнурки. Если между понедельник и пятницей действительно случилась авария, то часть событий могла просто не сохраниться. Такой ответ помещался в голову. Остальное пока не помещалось.

— Голова тяжёлая, — сказал он. — Когда встал, закружилась.

Сестра поставила папку на край кровати и задала ещё несколько вопросов. Дэниел ответил на них. Он мог говорить, мог назвать себя, понимал, где находится, хотя название больницы ему только что напомнили. Он слышал, как ровно звучит его голос, и от этого происходящее становилось ещё страннее.

Сестра спросила, изменилось ли самочувствие после утреннего осмотра.

Дэниел посмотрел на женщину. Она ждала.

— Только сонный, — сказал он.

Он сразу почувствовал, что ответил неточно. Утреннего осмотра он не помнил вообще. Но сестра уже записывала что-то в папку; добавлять ещё одну фразу теперь означало начать разговор сначала, и он промолчал.

Ему выдали бумаги, объяснили, как ухаживать за рукой, и ещё раз сказали, при каких изменениях нужно вернуться за помощью. Женщина попросила показать, где указан телефон. Сестра обвела номер ручкой.

— Клэр, у вас всё есть? — спросила она.

Клэр.

Имя не вызвало ничего. Ни лица из прошлого, ни голоса в трубке, ни неловкого воспоминания о встрече, которую он предпочёл бы забыть. Оно принадлежало этой женщине и никуда дальше не вело.

— Да, спасибо, — сказала Клэр.

Сестра ушла за последней подписью.

Дэниел посмотрел на листы. В верхней строке снова стояло его имя. Ниже были дата, несколько сокращений и слова о дорожной аварии. Он читал медленно; строки приходилось возвращать на место взглядом. Бумага не помогала вспомнить.

— Где моя машина?

Клэр поджала губы.

— На стоянке после эвакуации. Майкл разговаривает со страховой. Сейчас тебе не нужно этим заниматься.

— Майкл?

— Да.

Он почувствовал такое облегчение, что даже перестал читать. Майкл был знакомым человеком. С ним можно было поговорить без этих осторожных взглядов, спросить, где закончился понедельник, что произошло с машиной и кто такая Клэр.

— Мне нужно ему позвонить.

— Он обещал сам вечером. Хотел приехать, но я сказала, что сегодня мы забираем тебя домой и даём отдохнуть.

— Он знает?

Клэр нахмурилась.

— Что ты едешь домой? Конечно.

Он кивнул, хотя спрашивал о другом.

Клэр подняла со стула рубашку.

— Сначала эту руку.

Дэниел осторожно продел левое предплечье в рукав. Ткань была мягкой, дорогой на ощупь; пуговицы мелкие, тёмные. Рубашка сидела на нём впору. Клэр отвернула край манжеты, чтобы не задевать повязку. Движение было быстрым и привычным, будто она успела проделать его много раз.

Ему стало стыдно. За что именно, он не понял: за то, что не узнаёт её, или за то, что позволяет ей помогать, пока она этого не знает.

На стуле остались джинсы, куртка и книга.

Дэниел взял книгу, чтобы освободить место.

На обложке был дом с освещёнными окнами. Никакой особенной иллюстрации: тёмный фасад, кусок мокрой улицы, дверь. Название занимало верхнюю половину. «Дом, в котором ждут».

Под названием стояло его имя.

Он несколько секунд смотрел на него. Дэниел Рид. Не похожее имя, не другая буква в фамилии. То же самое, что на браслете, на выписке и в банковском приложении, которое он открывал перед сном.

— Эту тоже заберём, — сказала Клэр. — Сара просила не потерять пометки.

Он перевернул книгу.

На фотографии стоял мужчина у окна. Одна рука лежала на столе. Мужчина чуть наклонил голову, будто фотограф попросил его послушать что-то за кадром и поймал промежуточное движение. Дэниел знал это лицо. На снимках он часто получался именно так — с настороженным взглядом человека, который ещё не понял, зачем его фотографируют.

Под портретом было несколько строк. Он прочёл своё имя ещё раз, затем слова «автор трёх романов».

— Дэн?

Он поднял глаза.

— Это...

Клэр забрала книгу осторожно, не вырывая.

— Если ты опять будешь править её в машине, тебя стошнит. Сара подождёт.

Она положила книгу в сумку, поверх полотенца. Дэниел смотрел, как исчезает лицо на обороте.

В голове появилась нелепая мысль о розыгрыше. Она держалась ровно до того мгновения, когда он попытался повернуться и бок снова отозвался болью. Слишком много людей, слишком много предметов, слишком дорогое и жестокое устройство для шутки, которую никто даже не собирался заканчивать.

Ему нужен был Майкл. Или собственный телефон. Или десять минут без человека, который ждал от него узнавания.

— Где телефон?

Клэр достала его из бокового кармана сумки.

Экран был треснут у края. Дэниел провёл пальцем по стеклу. Он пользовался такой моделью, но на его телефоне не было трещины, а чехол был чёрным. Здесь чехол отсутствовал.

— Я заряжала, — сказала Клэр. — Он ещё работает. Всё остальное Майкл обещал помочь перенести, если понадобится менять.

На экране появилась фотография детей. Девочка сидела на каменной ограде, мальчик стоял рядом и тянулся к ней, держа что-то в кулаке. Его рука смазалась от движения. Дэниел смотрел на фотографию, пока экран не погас.

В дверь снова постучали.

Сестра принесла подписанные документы и спросила, нужна ли помощь до машины. Клэр посмотрела на Дэниела. Он поспешно сказал, что дойдёт сам.

Когда он встал, пришлось взяться за спинку стула. Его ноги были собственными и всё-таки ненадёжными, будто он долго сидел в неудобной позе. Сестра подождала, не торопя. Клэр подняла сумку.

— Если снова закружится, скажи, — попросила она. Он кивнул.

На выходе сестра назвала его мистером Ридом и пожелала спокойного восстановления. Клэр поблагодарила её. Дэниел тоже сказал спасибо, потому что не знал, какое другое слово здесь уместно.

* * *

Коридор был длинным, светлым и шумным. Дэниел шёл медленно. Возле двери другой палаты пожилой мужчина пытался попасть пластиковой ложкой в крышку йогурта. Мимо прошли две женщины с пакетами, переговариваясь о парковке. Кто-то вёз цветы в картонной коробке; один стебель цеплялся за край и раскачивался при каждом движении.

У лифта Клэр поставила сумку на пол и расстегнула пальто.

— Здесь жарче, чем утром.

Она посмотрела на Дэниела, ожидая обычного согласия. Он сказал:

— Да.

Лифт приехал почти сразу. Внутри стоял санитар с пустым креслом. Клэр подвинулась к стене, пропуская его. Дэниел заметил у неё на пальце кольцо и посмотрел на собственную руку.

Кольца не было.

На коже у основания пальца оставалась светлая полоса.

Он сунул руку в карман. Пальцы наткнулись на бумажную салфетку и монету. Ключей от квартиры не было.

Внизу им пришлось пройти через большой холл. У входа женщина продавала кофе; рядом сидели люди с бумажными стаканами, разговаривали, листали телефоны. Мир вёл себя так, будто всё происходило правильно.

Клэр остановилась у скамьи.

— Посиди здесь. Я подгоню машину к выходу.

Дэниел сел. На улице ветер прижимал к стеклянной двери мокрый лист. Он отлеплялся, скользил вниз и снова взлетал, когда дверь открывалась.

Клэр ушла. Впервые с пробуждения Дэниел остался один.

Он вынул телефон и разблокировал его. Пальцы сами набирали знакомые цифры. На экране открылась переписка, которой он никогда не видел. Вверху стояло имя Клэр. Последнее сообщение было отправлено утром: «Буду к одиннадцати. Не пытайся сам спускаться».

Дэниел открыл контакты и нашёл Майкла.

Он успел нажать на имя, но не на кнопку вызова. Рядом с контактом стояло «Майкл — агент».

Телефон чуть съехал в ладони. Дэниел перехватил его, задел повязкой молнию куртки и выругался от боли.

Агент.

Майкл мог быть чьим угодно агентом, если это какой-то другой Майкл. Фотография в кружке была слишком маленькой. Дэниел открыл её и увидел знакомое лицо, очки с тёмной оправой и ту самую улыбку, с которой друг рассказывал о полке.

— Всё в порядке? — спросила проходившая мимо женщина.

— Да. Спасибо.

Он вышел из контакта. Ему вдруг захотелось позвонить на рабочий номер, услышать Ханну, попросить соединить с

отделом. Он помнил последние четыре цифры и начало, но середина ускользала. Номер был сохранён в его телефоне; наизусть он набирал его много лет назад.

Пока он искал «Роу Лайтинг», у стеклянной двери появилась Клэр. Она махнула ему и придержала дверь.

Дэниел встал.

Снаружи свет оказался слишком ярким. Он зажмурился, прикрыл глаза ладонью и услышал, как Клэр тихо сказала:

— Очки в бардачке. Сейчас.

У входа стоял тёмно-синий универсал. Она открыла пассажирскую дверь, убрала с сиденья детскую куртку и помогла ему сесть. Ремень лёг поперёк больного бока. Дэниел втянул воздух сквозь зубы.

Клэр подождала, пока он устроится. Потом закрыла дверь и обошла машину.

В салоне пахло кофе и чем-то сладким. Под передним сиденьем лежал карандаш без ластика. На заднем сиденье стояло детское кресло; рядом валялась книга с загнутой обложкой. Дэниел посмотрел на зеркало. Над его скулой желтел синяк, которого вчера не было.

Клэр достала из бардачка очки и протянула ему.

— Лучше?

Он надел их. Мир потемнел до терпимой яркости.

— Лучше.

Она завела двигатель. Телефон на панели предложил маршрут, и Клэр закрыла подсказку, не глядя.

Они выехали со стоянки. Дэниел узнавал город постепенно: перекрёсток, поворот у длинного кирпичного здания, автобусную остановку, которую однажды проехал под дождём. Бристоль был на месте. От этого становилось одновременно спокойнее и страшнее.

Клэр говорила о покупках. Дома почти всё есть. Если он захочет чего-то другого, она сходит позже. Эмма обещала убрать лестницу, но на обещания Эммы, когда та занята своим костюмом, лучше не рассчитывать. Бен весь завтрак спрашивал, можно ли будет обнять его сразу.

Дэниел слушал имена детей и видел фотографию на экране.

— Они... — начал он.

Клэр посмотрела на него.

— Что?

— Они дома?

— Да. Я договорилась, чтобы они сегодня остались дома. Мама сидит с ними с утра.

Он кивнул. Слова выстраивали вокруг него жизнь, в которой у каждого имелось место. Он пока не мог найти только своё.

Впереди появился знакомый перекрёсток. Чтобы попасть к его дому, следовало повернуть налево, потом держаться прямо до маленького магазина на углу.

Клэр проехала перекрёсток.

— Нам сюда, — сказал Дэниел.

— Что?

Он повернулся в кресле, не обращая внимания на бок.

— Там был поворот.

Клэр посмотрела в зеркало, затем снова на дорогу.

— Я знаю короткий путь, если ты об этом. Но там сейчас трясёт. Поедем спокойно.

Дэниел ещё несколько секунд смотрел назад. Перекрёсток исчез за автобусом. Машина продолжала ехать из города, и Клэр вела её уверенно, не спрашивая у него дороги.

03. Папа вернулся

Клэр остановила машину перед кирпичным домом и заглушила двигатель. За низкой оградой рос куст, от которого на мокрую дорожку осыпались последние розовые лепестки. У двери стоял самокат с перемотанной изолентой ручкой.

Дэниел не знал ни дома, ни самоката. Клэр уже отстёгивала ремень.

— Не торопись. Я сначала занесу сумку.

Она вышла. Прежде чем успела открыть заднюю дверь, из дома выбежал мальчик.

— Папа!

Он остановился в середине дорожки так резко, что поскользнулся. Размахнул руками, удержал равновесие и пошёл дальше широкими осторожными шагами. За ним появилась девочка в свитере, рукава которого почти скрывали пальцы.

— Бен, я тебе говорила, — сказала она.

— Я и не бегу.

— Уже не бежишь.

Дэниел положил ладонь на дверную ручку. Он хотел выбраться из машины до того, как они подойдут, но ремень запутался у пряжки. Пришлось снова сесть ровно.

Клэр открыла дверь снаружи.

— Сначала дайте ему встать.

Мальчик отступил, потом снова придвинулся. У него отсутствовал один передний зуб; на подбородке темнела чернильная полоска.

— Можно осторожно?

Дэниел выбрался из машины, держась за дверцу. Бен смотрел ему в лицо, ожидая разрешения.

— Можно, — сказал Дэниел.

Мальчик обнял его за талию, не сжимая, и прижался щекой к рубашке. Дэниел положил здоровую ладонь ему на затылок. Волосы были тёплыми, мягкими, чуть влажными у шеи. Ребёнок доверчиво стоял вплотную, и Дэниел внезапно испугался, что тот сейчас поднимет голову и всё поймёт.

— Ты пахнешь странно, — сказал Бен.

— Это больница, — ответила Клэр.

— Я знаю.

Мальчик не отпускал.

Девочка подошла со стороны здоровой руки. Она не стала обнимать его сразу. Посмотрела на синяк над скулой, на повязку, затем осторожно коснулась плечом.

— Привет.

— Привет, — сказал он.

Клэр назвала её Эммой. Дэниел постарался запомнить имя окончательно, хотя уже слышал его несколько раз. Он боялся, что в нужный момент оно опять окажется чужим и выскользнет.

Из дома вышла ещё одна женщина, старше Клэр, в рас-

стёгнутом кардигане. Она взяла у дочери сумку.

— Вот и хорошо. Еда почти готова.

Она коснулась руки Дэниела, спросила, не замёрз ли он, и отступила, освобождая дорожку. Клэр сказала: «Спасибо, мам». Дэниел почувствовал облегчение от этой маленькой подсказки.

Бен взял его за два пальца и повёл к дому.

В прихожей пахло выпечкой и мокрой обувью. Под вешалкой стояли сапоги, кроссовки, маленькие резиновые ботинки. На стене висела доска с записками. Один лист держался на магните в форме рыбы; на другом крупными буквами было написано «ВЗЯТЬ КОСТЮМ».

Дэниел снял куртку и не сразу понял, куда её деть. Бен показал на крючок.

— Твой тут.

— Спасибо.

— Ты забыл?

Клэр повернулась.

— Он устал с дороги. Давай дадим ему пройти.

Бен отпустил пальцы. В его лице на мгновение появилось разочарование, и Дэниелу захотелось вернуть руку, сделать хоть что-нибудь, что исправит его неловкое спасибо.

— Покажешь мне потом, чем ты занимался? — спросил он.

Бен оживился.

— У меня новый. Только он ещё не держится.

— Что именно?

— Ну, занавес.

Мальчик посмотрел так, будто ответ был очевиден. Дэниел кивнул.

Из прихожей можно было пройти в комнату с диваном или дальше, к светлой кухне. На лестнице лежала связка цветных лент. Эмма быстро подняла её и отнесла наверх, не дожидаясь замечания матери.

Клэр предложила Дэниелу сесть. Он выбрал край дивана, где было удобнее беречь бок. На журнальном столике стояла миска с бусинами. Рядом лежали ножницы, катушка ниток и чужая раскрытая книга.

Здесь недавно жили без него. Переставляли чашки, что-то резали, бросали одежду на спинку кресла. Его возвращение не успело изменить беспорядок, и почему-то именно это действовало сильнее фотографий: ему не приготовили декорацию. Люди просто ожидали, что он займёт своё место среди вещей.

Клэр принесла воду.

— Хочешь сначала полежать или поедим?

— Поедим.

Он боялся остаться один в незнакомой комнате. Боялся ещё больше, что, если ляжет, закроет глаза и проснётся здесь снова, ему придётся признать, что это не сон.

* * *

За столом выяснилось, что Дэниел сидит на месте Бена.

Мальчик остановился у его стула с тарелкой в руках. Он молчал, но всем видом показывал, какое серьёзное нарушение сейчас происходит.

— Сегодня пусть папа здесь, — сказала Клэр. — Ему удобнее встать.

Бен обдумал это и согласился. Тарелку он поставил с другого края, хотя мог бы сесть ближе.

Клэр разложила еду. Её мать сказала, что пирог надо было вынуть раньше, края пересохли. Эмма отломил край и съела.

— Нормально.

— Ты просто голодная.

— Это тоже нормально.

Дэниел улыбнулся. Эмма заметила и коротко посмотрела на него, прежде чем заняться своей тарелкой.

Он слушал разговор и старался понять устройство семьи. Бен рассказывал о мальчике, который принёс в школу чужую спортивную сумку. Клэр спросила, вернули ли сумку хозяйину. Бена интересовало другое: внутри лежали огромные носки, и один из мальчиков надел их поверх обуви. Мать Клэр смеялась. Эмма говорила, что это совсем не смешно, но Дэниел видел, как дрожит уголок её рта.

— У нас однажды весь заказ уехал не туда, — сказал он.

Майкл и грузовик были единственной историей, которой он сейчас мог поделиться, не притворяясь. Он уже начал вспоминать, как расскажет про ярмарку, но Клэр подняла

глаза.

— Какой заказ?

— По работе.

Наступила маленькая пауза.

— Книги? — спросила Эмма.

Дэниел взял стакан.

— Поставка. Давно было.

Бен не заметил паузы и продолжил рассказ о носках. Клэр посмотрела на Дэниела ещё раз. Он сделал вид, что слушает сына.

Когда блюдо передали к нему, он предложил Эмме ещё кусок. На нём виднелись грибы.

— Я их не ем.

— Совсем?

Девочка помедлила.

— Пап.

Одно слово, сказанное без раздражения, оказалось хуже упрёка. Она ждала, что он сейчас улыбнётся и перестанет шутить. Дэниел переложил кусок себе.

— Извини.

Клэр подвинула дочери салат. Разговор пошёл дальше, но Дэниел уже почти не слышал его. Он смотрел на тарелку и думал, сколько ещё таких мелочей ему предстоит не знать. Где стоят чашки. Как зовут учительницу. От чего плакал Бен на прошлой неделе. Почему Эмма ждёт, что он поймёт одно короткое обращение.

После еды мать Клэр стала собираться. Дэниел поднялся проводить её; она махнула рукой, велела сидеть и сказала дочери, что позвонит вечером. У двери она обернулась.

— Рада, что ты дома, Дэн.

Он ответил:

— Спасибо, что помогли.

Женщина на мгновение замерла. Потом кивнула и вышла. Дэниел понял, что сказал не так, уже по лицу Клэр. Возможно, следовало обратиться по имени. Возможно, он никогда раньше не говорил с этой женщиной настолько вежливо.

Он не спросил.

* * *

Бен принёс коробку из-под обуви, из которой торчали две деревянные палочки. Между ними на нитке висел лоскут красной ткани.

— Вот. Если открыть, всё падает.

Дэниел придержал одну палочку. Бен потянул за нитку. Занавес собрался с одного края, палочки сошлись, и вся конструкция завалилась вперёд.

— Видишь?

Он видел. Это было приятно: перед ним стояла небольшая понятная задача, не требовавшая помнить предыдущие двенадцать лет.

— Нужно, чтобы верх не тянул стойки друг к другу.

— Я знаю. Я пробовал картон.

— Покажи.

Бен достал из коробки несколько согнутых полосок. На одной ещё держался кусок липкой ленты. Дэниел попросил две, сложил их вместе и примерил между палочками.

— Так будет крепче.

— Они мешают менять задник.

Мальчик вынул из-за диванной подушки лист с нарисованной комнатой. В комнате стояли люди с большими головами, а по центру оставалось белое пятно.

— Тут стол. Я его отдельно сделаю.

Дэниел вернул полоски. Бен был прав: его простое решение закрывало проход для задника.

— Тогда надо крепить выше.

Они попробовали. Дэниел придерживал стойку, пока Бен обматывал её лентой. Одной рукой работать оказалось трудно, и мальчик несколько раз просил его не двигаться. Наконец занавес открылся, почти не наклонив палочек.

Бен отступил на шаг.

— Всё равно криво.

— Немного.

— У тебя тоже криво вышло.

— Это у меня бывает.

Мальчик засмеялся. Дэниел почувствовал, как что-то внутри него ослабло. Он не угадал привычку, не вспомнил общий случай; они только что вместе сделали новую вещь, пусть и немного кривую.

— Теперь можно репетировать, — сказал Бен.

Он достал из коробки бумажные фигурки. Одной не хватало руки.

— Это кто?

Бен удивлённо посмотрел на него.

— Отец.

— А остальные?

— Дети. Ты же сам написал.

Дэниел замер с отрезком ленты между пальцами.

— В книге?

— Да. Только я поменяю. Там долго ничего не происходит.

— Где именно?

— Когда они ждут.

Бен расставил фигурки перед нарисованной комнатой. Дэниелу хотелось расспросить его дальше, но из кухни позвала Клэр: папе нужно отдохнуть. Мальчик запротестовал. Она не уступила, и он принялся собирать театр с той нарочитой медлительностью, которая должна была показать несправедливость решения.

Дэниел помог ему поднять упавшую фигурку. Бумажный отец был без лица; Бен, видимо, не успел его нарисовать.

* * *

Клэр отвела Дэниела наверх.

Он шёл вслед за ней, держась за перила. Вдоль лестницы висели фотографии. На одном снимке Клэр стояла в воде по щиколотку, придерживая платье. На другом Бен, гораздо

младше, спал у Дэниела на груди. На третьем Эмма держала перед собой лист бумаги и хмурилась в камеру. За её плечом виднелась рука Дэниела, измазанная краской.

Он остановился у этого снимка.

— Что? — спросила Клэр.

— Ничего.

Она вернулась на ступень ниже, посмотрела на фотографию и улыбнулась.

— Она потом неделю запрещала её вешать. Теперь сама переставляет, если Бен заденет.

Дэниел хотел спросить, что было нарисовано на листе, но слова уже накопились между ними таким количеством, что ещё один вопрос мог прорвать всё сразу.

В спальне стояла широкая кровать. На одной тумбочке лежали очки и стопка книг, на другой — резинка для волос, крем и маленькая тарелка с серёжками. Дэниел определил свою сторону по очкам. Это было легче, чем ожидать подсказки.

Клэр прикрыла штору.

— Я буду внизу. Если понадобится что-то, позови. Телефон рядом.

— Я не хочу спать.

— Тогда просто полежи.

Она задержалась у двери. Дэниел видел, что она собирается что-то спросить, и заранее напрягся.

— Ты ведь скажешь, если станет хуже?

— Скажу.

Клэр посмотрела на него ещё секунду, затем кивнула и вышла.

Он сел на кровать. Матрас прогнулся иначе, чем дома. Слово «дома» сразу же потребовало уточнения, и Дэниел упрямо представил свою квартиру: стол у окна, брюки на кресле, контейнер в раковине. Он помнил, что вымыл контейнер. Помнил, как соус не отставал от дна. Это не могло быть чужим воспоминанием.

Через несколько минут он поднялся. Голова ещё болела, но ходить по комнате было легче, чем лежать.

В шкафу висела мужская одежда его размера. Он тронул рукав тёмного пиджака, заглянул в выдвижной ящик и увидел аккуратно сложенные футболки. На полке стояла коробка от часов. В маленькой чашке рядом лежало кольцо.

Дэниел взял его. Простое обручальное кольцо, немного потёртое снаружи. Оно подошло на палец точно.

Он снял его и положил обратно.

На лестнице послышались шаги. Дэниел поспешно закрыл ящик, словно его могли поймать за кражей. Мимо двери прошла Эмма. Она несла свёрток ткани и разговаривала с кем-то по телефону. Слова были слишком тихими, чтобы разобрать, но в её голосе впервые за день появилась свободная весёлость.

Дэниел дождался, когда шаги стихнут, и вышел в коридор. В конце находилась небольшая комната с открытой две-

рю. Стол у окна, книжные шкафы, кресло. На подоконнике стояла кружка с засохшим следом кофе. Дэниел вошёл.

Книги занимали две полки. На многих повторялось его имя; обложки отличались цветом, размером, языком. «Дом, в котором ждут». «Неверный поворот». «До конца лета». Некоторые экземпляры были разложены стопками. Под столом стояли коробки, на одной маркером написано «Авторские».

Он снял с полки «Неверный поворот» и раскрыл посредине. Незнакомые люди разговаривали на кухне. Женщина отвела взгляд от собеседника и стала вытирать чистую ложку. Дэниел прочёл страницу, потом следующую. Ему понравилось, что она продолжала вытирать ложку, хотя разговор уже изменился. Он сам так поступил бы на её месте, если бы не хотел сразу отвечать.

На обороте титульного листа стояли сведения об издании. Дата была давней. В том году он ещё снимал квартиру вместе с человеком, который регулярно забывал платить за электричество.

Дэниел поставил книгу обратно.

Ноутбук на столе вышел из сна от прикосновения к клавише. Дэниел не решился открывать документы. В браузере уже была вкладка с письмом, поэтому он создал новую и набрал своё имя.

Результатов оказалось много.

Первой шла страница издательства. Под фотографией го-

ворилось о романах, переводах и миллионных тиражах. Ниже было интервью: Дэниел Рид о работе, семье и опасности слишком удобных концовок.

Он почти рассмеялся.

Мужчина на обложке мог быть похожим человеком. Фотографии на лестнице можно было подделать. Но смысл этих объяснений исчезал, как только Дэниел пытался представить, кто и зачем сделал бы столько бесполезной работы. Он сидел в кресле писателя, которого не знал, и понимал, что ему легче поверить в чужой заговор, чем в собственные написанные книги.

Он открыл интервью. Прочёл вопрос. Прочёл ответ, в котором уверенный человек по имени Дэниел рассказывал, как умеет защищать утренние часы от вторжений.

Из кухни донёсся голос Клэр:

— Нет, окно оставляем. Я покажу другой вариант расстановки.

Дэниел повернулся к двери.

— Потому что они пришли туда именно ради света, — продолжала она. — Если закрыть нижнюю часть стеллажами, мы получим обычную комнату. Таких комнат у них уже хватает.

Он подошёл к лестнице. На кухонном столе были разложены чертежи. Клэр держала телефон плечом и передвигала по листу маленький прямоугольник, вырезанный из бумаги. Бен пытался показать ей театр; она жестом попросила подо-

ждать. Мальчик поставил коробку на свободный стул и пошёл искать Эмму.

Клэр заметила Дэниела.

— Я перезвоню через полчаса, — сказала она в трубку.

Он спустился.

— Ты не лежал?

— Немного.

— Дэн.

Он снова услышал в обращении нечто общее с голосом Эммы: ожидание, что он поймёт продолжение без слов.

— Я посмотрел кабинет.

Клэр убрала карандаш за ухо.

— Я знаю, что тебе трудно ничего не делать. Но хотя бы сегодня можно?

Он посмотрел на чертёж. Контур длинного окна занимал почти всю стену. У него были старые переплёты, нарисованные тонкими двойными линиями.

— Это твоя работа?

Клэр медленно опустила руку.

— Да. Библиотека.

— Красиво.

Она посмотрела на чертёж, потом на него.

— Здесь пока нечего оценивать как красивое. Мне нужно понять, сколько места останется детям, если мы сохраним этот шкаф.

Дэниел почувствовал, как неудачно прозвучало слово. Он

увидел лист, ничего не знал о работе и похвалил её, как можно похвалить чужой аккуратный почерк.

— Покажешь?

Клэр помедлила. Затем подвинула к нему стул.

Она говорила недолго. В старой мастерской хотели устроить библиотеку; у большого окна планировалось детское место. Не всё, что хорошо выглядело на плане, получалось разместить в настоящей комнате. Нужно было сохранить проход и не поставить шкаф так, чтобы дети сидели в темноте.

Дэниел слушал. Часть слов была знакомой по работе, и он зацепился за них. Спросил, какие светильники предполагается использовать. Клэр ответила охотно. Потом сказала, что всё-таки надо посмотреть помещение ещё раз на месте.

— Тебе придётся уехать?

Она перестала двигать бумажный прямоугольник.

— Нам ещё нужно об этом поговорить. Но не сегодня.

Он хотел уточнить, почему она так сказала. В это время зазвонил его телефон.

На экране появился Майкл.

* * *

Дэниел ушёл с телефоном в гостиную. Клэр осталась у чертежа; он видел её через открытую дверь.

— Ну что, сбежал? — спросил Майкл.

Голос был тот же. От облегчения Дэниел закрыл глаза.

— Дома.

— Отлично. Ты сегодня имеешь полное право ни на что

не отвечать. Включая этот звонок.

— Ты уже позвонил.

— Никакого уважения к собственным рекомендациям.

Как сам?

Дэниел посмотрел на коробку с театром.

— Странно.

Майкл не ответил сразу.

— Физически хуже?

— Нет. Наверное, нет.

— Клэр рядом?

— Да.

— Хорошо. Я не буду надолго. С машиной занимаюсь, Сара в курсе, никто тебя не ждёт за письменным столом завтра утром. Если придёт что-то срочное, перешли мне.

Дэниел открыл рот и закрыл снова. Он хотел спросить про мисс Хьюз, про двухметровые рейки, про полку. Хотел услышать: «Да, идиотская была полка». Но каким-то образом понимал, что, если Майкл не узнает и этого, у него совсем не останется места, откуда можно начать объяснение.

— Ты помнишь, мы собирались куда-то поехать? — спросил он.

— Когда?

— К морю. Вдоль побережья.

Майкл задумался.

— Мы много раз собирались. Ты про весну?

Дэниел вцепился в телефон.

— Да.

— Я всё ещё за. Только сейчас никаких планов на основании того, что тебе надоело лежать. Сначала разберитесь с восстановлением.

Дэниел выдохнул. Что-то совпало. Не всё было потеряно.

— Покажешь потом те места?

— Какие места?

— Где хорошие кровати.

Майкл засмеялся.

— Это важнейшая часть любой поездки. Конечно, покажу.

Они попрощались. Дэниел ещё держал телефон у уха, когда линия уже оборвалась.

Клэр появилась в дверях.

— Всё нормально?

Он мог сказать сейчас. Достаточно было попросить её сесть и начать с понедельника. Но рядом на лестнице уже стоял Бен с книгой, а Эмма спрашивала из кухни, где лежат маленькие ножницы.

— Майкл сказал, что со всем разберётся, — ответил Дэниел.

Клэр кивнула.

* * *

Вечером он прочёл Бену несколько страниц.

Книга оказалась детской и не имела к Дэниелу Риду никакого отношения. Он был этому рад. Бен лежал под одея-

лом, оставив снаружи одну ступню, и время от времени поправлял голоса: этот персонаж говорит ниже, а этот совсем не так, папа.

Дэниел послушно менял интонацию. Во второй раз получилось лучше. Бен перестал поправлять, прикрыл глаза и всё ещё улыбался в тех местах, которые знал заранее.

Когда Дэниел поднялся, мальчик открыл глаза.

— Ты завтра будешь здесь?

Вопрос прозвучал буднично, почти сонно.

Дэниел посмотрел на него.

— Да.

Бен кивнул и отвернулся к стене. Этого ответа ему хватило.

В собственной спальне Клэр складывала вещи из больницы сумки. Дэниел сел на край кровати и смотрел, как она отделяет чистое от того, что нужно постирать. Книга с его портретом лежала на тумбочке.

Клэр заметила кольцо в чашке и подвинула её подальше от края.

— Я принесла его вчера. Его сняли ещё в приёмном отделении. Хочешь, уберу в ящик?

— Пока оставь.

Она кивнула и вернулась к сумке. Дэниел посмотрел на узкий потёртый ободок, который днём так точно подошёл к его пальцу.

— Мне нужно кое-что тебе сказать, — произнёс он.

Клэр повернулась.

Снизу позвала Эмма. Оказалось, она не может выключить свет у задней двери. Клэр закрыла глаза, коротко выдохнула и сказала:

— Я сейчас. Только не трогай больше выключатель мокрыми руками.

Она вышла. Дэниел остался ждать.

Он собирался дожидаться. Сел удобнее, осторожно устроил больную руку поверх одеяла и повторил про себя начало: «Я не помню вас». Оно звучало жестоко. «Я помню другую жизнь» — ещё хуже.

Дэниел закрыл глаза, пытаясь придумать слова, с которых можно начать утром, если сейчас ничего не выйдет. Из-за двери слышались голоса, вода в ванной, шаги по лестнице. Он различал их ещё некоторое время, уже не удерживая смысла.

04. Никакой повязки

Дэниел проснулся на спине и осторожно потянулся к телефону правой рукой. Левая лежала поверх одеяла. Он собирался придержать её, чтобы не задеть повязку, и только тогда увидел голое предплечье.

Кожа была чистой.

Он сел, забыв беречь бок. Ничего не заболело.

В комнате стоял его стол. На кресле висели брюки. Из-под неплотно закрытой двери пробивался свет из коридора — он, видимо, опять не выключил лампу перед тем, как лечь. Штора была знакомой, с маленькой затяжкой у нижнего края.

Дэниел задрал футболку и посмотрел на правый бок. Потом нажал пальцами под рёбрами. Сильнее.

Кожа покраснела там, где он нажимал, и больше ничего не произошло.

Он встал, дошёл до ванной и включил свет. В зеркале был человек, который поздно лёг и плохо выспался. Синяка над скулой не было. Дэниел приблизился к зеркалу, повернул голову сначала в одну сторону, потом в другую. Провёл ладонью по щеке.

Из соседней квартиры донёсся стук трубы. Кто-то включил воду.

Дэниел засмеялся, коротко и без радости.

Он был дома.

В кухне стояла его чашка. Контейнер сох на полотенце у раковины. В холодильнике осталась половина вчерашней упаковки еды. Всё, чего он так старательно держался в незнакомой спальне, оказалось на месте.

Дэниел открыл холодильник, посмотрел внутрь и закрыл, ничего не взяв. Он всё ещё ждал боли, когда поворачивался. Тело двигалось свободно, а ожидание не успевало за ним.

Телефон лежал у кровати, целый, в чёрном чехле. На экране было уведомление об обновлении и сообщение Майкла с фотографией полки. Сегодня был вторник.

Дэниел сел на край кровати.

Клэр не существовало.

Он произнёс её имя шёпотом, проверяя, изменится ли что-нибудь от звука. Ничего не изменилось. Она была женщиной из сна. Дети — тоже. Боль, книги, кольцо в маленькой чашке, лестница с фотографиями. Во сне можно прожить сколько угодно, проснуться и не помнить почти ничего.

Он помнил всё.

Бен держал его за два пальца. Эмма говорила «пап» так, будто дальше объяснять было не нужно. Клэр отворачивала манжету, чтобы ткань не касалась повязки. Эти подробности не расплывались, как обычно расплывался сон, стоило попытаться пересказать его себе.

Дэниел вышел в кухню и включил чайник. Пока тот грелся, он поискал в телефоне контакт Клэр. Не нашёл. Открыл

контакт Майкла: никаких пояснений после имени.

Он нажал вызов.

— Ты уже там? — спросил Майкл вместо приветствия.

— Где?

— В офисе. Я ещё еду.

Дэниел посмотрел на часы. Он собирался приехать пораньше, а теперь рисковал опоздать.

— Нет. Я скоро.

— Всё нормально?

— Да.

Пауза.

— Ты из-за шаблона? Я сам разберусь. Не надо начинать день с моего позора.

— Нет, я не из-за него.

— Тогда до встречи.

Майкл отключился. Дэниел ещё несколько секунд смотрел на экран. Шаблон был на месте. Неправильные рейки, мисс Хьюз, деньги за срочную доставку. Они имели продолжение во вторник.

Он выпил чай слишком горячим, обжёг язык и почему-то обрадовался боли. Она была небольшой, понятной и возникла только что.

* * *

Хэтчбек стоял во дворе. Дэниел обошёл его, прежде чем сесть, хотя ни одной разумной причины искать повреждения не было. На заднем бампере осталась старая царапина от чу-

жой тележки. Других он не нашёл.

По дороге его несколько раз раздражал свет. Он не мог понять, действительно ли солнце било в глаза сильнее обычного или он проверял каждое ощущение, ожидая продолжения больничного дня. На повороте пришлось резко затормозить перед велосипедом. Дэниел выругался, водитель позади посигналил, и на несколько минут сон отступил.

В «Роу Лайтинг» Майкл уже открыл нужные документы. На его столе стояли два стакана кофе.

— Твой без сахара. Я решил, что начинать извиняться нужно с утра.

— Ты вчера уже извинился.

— Завтра перестану. По расписанию.

Дэниел сел. Стул качнулся под ним в знакомом месте: один винт давно требовалось подтянуть. Он положил руки на стол и посмотрел на Майкла.

Тот был в сером джемпере, с пятном от кофе на манжете. Не литературный агент, не человек, который обещает договориться с Сарой. Коллега, перепутавший код товара и поставивший ему кофе.

— Мне приснилось, что я написал три книги, — сказал Дэниел.

Майкл поднял глаза.

— Быстро ты отреагировал на разговор.

— И ты был моим агентом.

— Прекрасно. Надеюсь, я получал достаточно, чтобы не

собирать мебель самостоятельно.

Дэниел улыбнулся.

— Не спросил.

— В следующий раз уточни. Это существенная часть моей биографии.

Майкл повернул к нему экран. Он нашёл, на каком этапе старый код возвращался в заказ. Дэниел наклонился ближе, но буквы складывались в слова медленнее, чем обычно. Ему приходилось отрывать взгляд от рук друга, от пятна на манжете, от знакомого лица, которое умело существовать в двух обстоятельствах.

— Вот здесь? — спросил он.

— Нет, смотри выше.

Майкл объяснил ещё раз. Дэниел заставил себя проследить всю последовательность. Ошибка оказалась неприятной и простой: после изменения длины подтверждение клиенту обновлялось, а строка для склада оставалась прежней, если не открыть её отдельно. Они оба знали об этом и оба иногда забывали.

Дэниел записал, что нужно показать Тому. Майкл проверил остальные ещё не отгруженные заказы. На одном нашлось такое же расхождение; его исправили прежде, чем ушла машина.

Когда Том подошёл к их столам, у них уже был ответ и пример.

— Хорошо, — сказал он. — Сегодня Ханна тоже через это

пройдёт. Чтобы не обнаружить ещё одну ярмарку к вечеру.

Майкл кивнул. Дэниел открыл следующий заказ и впервые за утро сумел прочесть его, ни разу не вспомнив повязку.

Потом зазвонил телефон.

Женщина представилась, назвала номер счёта и попросила уточнить срок. У неё был немного хриплый голос. Одного этого оказалось достаточно, чтобы Дэниел перестал слышать первые слова.

— Простите, повторите номер.

Она повторила. Голос не был похож на голос Клэр. Ему понадобилось лишь несколько секунд, чтобы понять это, но рука уже сжала трубку слишком сильно.

* * *

В обед Дэниел вышел из офиса один. Он купил сэндвич и сел на невысокую стену у маленького сквера. Лавочки после ночного дождя оставались мокрыми. Человек с собакой пытался убедить её обойти лужу; собака слушала внимательно и стояла посреди воды.

Дэниел достал телефон.

Поиск собственного имени выдал нескольких людей, не имевших к нему отношения. Один играл музыку, другой продавал подержанные машины. Дэниел добавил слово «писатель». Потом по очереди набрал названия трёх романов.

Он не нашёл обложек, которые видел в кабинете. Не нашёл фотографии у окна. Не нашёл интервью о том, как важ-

но защищать утренние часы.

Ему следовало почувствовать облегчение.

Вместо этого он вспомнил, с каким чувством читал чужие уверенные ответы. Зависть была неприятной, почти постыдной: он завидовал человеку со своим лицом, у которого получилось сделать то, что сам он годами откладывал. Теперь поиск сообщил, что этого человека нет, и Дэниелу стало пусто.

Он допил кофе и убрал телефон.

Рядом на стену села женщина с двумя маленькими детьми. Мальчик сразу спросил, можно ли достать еду. Девочка сказала, что он спрашивал это у самого магазина. Они спорили, пока мать пыталась открыть упаковку, не уронив салфетки.

Дэниел поднялся, хотя сэндвич ещё не доел.

Он не хотел рассматривать чужих детей, проверяя, похожи ли они на тех, кого придумал ночью.

На обратном пути он зашёл в небольшой магазин канцтоваров. У входа стояла корзина с дешёвыми тетрадами. Дэниел выбрал серую, без рисунка, и ручку, хотя ручек в офисе было достаточно.

Ханна заметила покупку, когда он вернулся.

— Решил записывать, что мы говорим?

— На случай, если станете знаменитыми.

— Тогда мне нужен псевдоним.

— Подумай до конца дня.

Она улыбнулась и вернулась к своему экрану. Дэниел положил тетрадь в сумку.

* * *

Дома он сначала проверил ноутбук.

Вчерашний файл был сохранён вечером. Мужчина в первой строке по-прежнему просыпался. Ни жены, ни детей, ни больницы в тексте не появилось. Дэниел открыл старые начала, просмотрел заметки, даже заглянул в папку, где хранил недописанные письма. Имя Клэр нигде не встретилось.

Он сел за кухонный стол с новой тетрадью и написал вверху страницы: «Сон».

Подумал и добавил дату.

Сначала получился список: Клэр, Эмма, Бен. Майкл — агент. Правый бок. Левая рука. Дом за городом. Он записал названия романов, расположение комнат, цвет машины. Остановился на самом простом вопросе: сколько лет детям? Эмма выглядела лет на двенадцать. Бену могло быть шесть или семь. Во сне он так и не спросил.

Дэниел поставил возле возраста вопросительные знаки.

Потом записал то, что не укладывалось в список: как Бен обнял его, стараясь не сжать; как Клэр помедлила после слова «красиво»; как Эмма пыталась скрыть смех за столом. Рука писала быстрее. Он перестал проверять, удачно ли получается, и просто старался ничего не потерять.

Когда Дэниел поднял голову, на кухне потемнело. Он включил лампу, перевернул страницу и продолжил.

Впервые за долгое время ему не хотелось подбирать более подходящее начало. Оно уже случилось. Нужно было только успеть за ним.

Закончив, он перечитал первые строки. Слово «сон» выглядело слишком коротким для всего остального. Дэниел не зачеркнул его. Он не знал, что написать вместо.

Он поел, позвонил Майклу и спросил, удалось ли вернуть плату за лишние рейки. Майкл рассказал про разговор с поставщиком, потом снова пошутил об агентских процентах. Дэниел засмеялся и не стал объяснять, почему позвонил на самом деле: ему хотелось ещё раз услышать друга именно здесь, среди тех же забот, с которых начался день.

Перед сном он оставил тетрадь на столе раскрытой. Убедился, что выключил свет в коридоре, поставил телефон на зарядку и лёг.

Спать не хотелось. Он лежал с закрытыми глазами, слышал, как снизу передвигают стул, и представлял бумажный театр. Занавес, кажется, следовало укрепить сзади, чтобы не мешать заднику. Утром можно было бы показать Бену.

Дэниел открыл глаза.

Потом снова закрыл их. В квартире было тихо. Через какое-то время он перестал следить за тем, уснул ли уже.

05. Я вас не узнаю

Клэр спала рядом.

Дэниел увидел сначала её волосы на подушке, потом край плеча. За окном было ещё темно. В комнате тихо работало отопление.

Он лежал неподвижно, уже зная, что произойдёт, если повернуться. Всё-таки повернулся. Правый бок отозвался болью, а край повязки на левой руке зацепился за простыню.

Дэниел сел.

Вчера он ел сэндвич возле сквера. Разбирал с Майклом неправильный заказ. Покупал серую тетрадь. Записал Клэр, детей, дом и три названия, которые не нашёл в интернете.

Тетрадь осталась в другой квартире.

Он посмотрел на тумбочку. Здесь лежали очки, книга и треснутый телефон. Сегодня была суббота.

Клэр проснулась, когда он встал.

— Который час?

— Рано.

Она приподнялась на локте и потянулась к выключателю.

— Не надо, — сказал Дэниел. — Мне нужно поговорить с тобой.

Клэр опустила руку.

Он сел обратно, оставив между ними место. В темноте говорить казалось легче. Он мог не видеть, что делает с её ли-

цом каждое слово.

— Я не помню тебя, — сказал он.

Клэр молчала.

— И детей. Я понимаю, что вы меня знаете. Вижу фотографии, вещи. Но у меня нет этого в памяти.

Она медленно села.

— Сейчас?

— Со вчерашнего дня. С больницы.

— Ты не помнишь, как мы вчера приехали?

— Это помню. Ты помогла надеть рубашку. Сначала левый рукав. Потом мы ехали домой. Бен обнял меня у машины. Мы чинили его театр.

Он говорил быстро, словно количество подробностей могло уберечь её от того, что следовало дальше.

— Я помню вчера. Но не то, что было раньше. Здесь.

Клэр всё-таки включила свет. Дэниел зажмурился и отвернулся, пока она не прикрыла лампу ладонью.

— Где «здесь»?

Он вздохнул.

— У меня другая жизнь.

Слова прозвучали ужасно. Клэр отодвинулась, и Дэниел сразу понял, какое привычное значение в них можно услышать.

— Нет. Подожди. Я не про другую женщину. Я живу один. Работаю в «Роу Лайтинг». У меня квартира в городе и машина. Майкл работает со мной. Мы дружим. Я не написал

ни одной книги.

Клэр смотрела на него.

— Ты это помнишь?

— Да.

— Как сон?

— Нет. Как то, что делал вчера. Потому что я вчера там был.

Она провела рукой по лицу.

— Вчера ты был здесь.

— Я знаю. Сначала здесь. Потом уснул. Проснулся в своей квартире. Там был вторник. Я пошёл на работу. Вечером записал всё, что помнил о вас, потому что решил, что мне приснилось. Потом снова лёг спать.

Дэниел посмотрел на свою руку.

— И теперь опять здесь.

Некоторое время Клэр не двигалась. Он ждал вопроса, упрёка, просьбы прекратить. Она спросила, сильнее ли болит голова, чем вчера.

— Не сильнее.

— Тебя тошнит?

— Нет.

Она взяла телефон.

— Я позвоню в больницу.

Дэниел хотел сказать, что больница не объяснит квартиру, но остановился. Вчера он уже решил за неё, какую часть правды она может выдержать. Теперь нужно было дать ей

сделать хоть что-то.

Клэр нашла номер на выданном листе. Она говорила негромко, стараясь не разбудить детей. Дэниел сидел рядом и слушал, как его слова превращаются в сообщение другому человеку: не узнаёт семью, помнит вчерашний день, утверждает, что между вчера и сегодня прожил ещё один день в другом месте.

Она ни разу не сказала «придумывает».

Это оказалось неожиданно важным.

После разговора Клэр положила телефон.

— Нас просят вернуться, чтобы тебя осмотрели. Я позво-
ню маме, она побудет с детьми.

— Сейчас?

— Да.

Он кивнул.

Клэр встала, накинула кардиган и остановилась у двери.

— Почему ты вчера мне не сказал?

Дэниел посмотрел на край одеяла.

— Сначала не понимал, что происходит. Думал, что не
помню несколько дней. Потом увидел книгу. Потом дом... Я
не знал, как сказать при детях.

— Мы не всё время были при детях.

— Знаю.

Она ждала продолжения, и он не стал искать более достой-
ную причину.

— Боялся.

Клэр прислонилась плечом к косяку.

— Я тоже боюсь, Дэн.

Он поднял глаза.

— Я не пытаюсь вас обмануть.

— Но вчера я не знала, что со мной разговаривает человек, который меня не узнаёт.

— Прости.

Клэр кивнула, не принимая и не отвергая извинения.

— Одевайся. Я сейчас вернусь.

* * *

Дети проснулись раньше, чем приехала бабушка.

Бен появился в дверях спальни, увидел сумку и сразу спросил, куда они идут. Клэр присела перед ним.

— Папе нужно ещё раз показаться врачу.

— Его опять заберут?

— Пока не знаем, сколько времени понадобится. Бабушка сейчас приедет.

Дэниел стоял у шкафа с рубашкой в руках. Бен посмотрел на него.

— Ты же сказал, что будешь здесь.

Он вспомнил вечер и свой уверенный ответ. Тогда ему казалось, что это единственное обещание, которое можно дать ребёнку без вреда.

— Я вернусь, как только смогу, — сказал он.

Бен отвернулся к матери.

Клэр обняла его. Дэниел видел, что мальчик сердится, и

не знал, имеет ли право подойти. В конце концов положил рубашку, опустился рядом и спросил, можно ли оставить театр у дивана, чтобы вечером посмотреть вместе.

— Он и так там, — ответил Бен.

— Хорошо.

Эмма стояла на лестнице. Она ничего не спрашивала. Когда Клэр поднялась, дочь тихо сказала:

— Можно мне потом позвонить тебе самой?

— Конечно.

Дэниел услышал, что вопрос был обращён только к матери.

Пока они ждали бабушку, Клэр помогла ему застегнуть манжету. Он сказал спасибо. На этот раз она посмотрела на него так, будто поняла вчерашнюю вежливость задним числом.

— Ты всё время так говорил, — произнесла она. — Я думала, ты стараешься, потому что я устала.

Дэниел не нашёл ответа.

* * *

В больнице их узнали не сразу. Пришлось назвать имя, объяснить, кто направил вернуться, подождать у стойки, потом ещё раз рассказать всё в небольшой комнате. Клэр передала документы и села рядом.

Дэниел заметил, что она рассказывает только то, что видела сама. Вчера он спрашивал о дне недели. Перепутал поворот. Дома не знал некоторых привычных вещей. Утром со-

общи́л, что не узнаёт её и детей.

— А другую жизнь вы помните подробно? — спросила врач.

— Да.

— С какого возраста?

Он задумался.

Детство было тем же — по крайней мере, он так считал. Он помнил школьный двор, первую работу, съёмную комнату. Но когда врач попросила рассказать, как он встретил Клэр, дальше не оказалось ничего. На этом месте у него шли совсем другие годы.

Он объяснил про офис. Назвал фирму, обязанности, Майкла. Рассказал об ипотеке. Дэниел говорил о ежемесячных платежах с нелепым чувством, что они могут подтвердить его личность лучше имени и даты рождения.

— А в той жизни вы знаете, что попадали в аварию?

— Нет. Вчера утром машина стояла у дома. Целая. У меня не было ни этого, ни этого.

Он показал на повязку и на бок.

Врач уточнила, о каком «вчера» он сейчас говорит. Дэниел замолчал.

Ему пришлось разделить рассказ на два дня, которые оба приходились между последними пробуждениями. Он видел, как трудно это записать, не превратив его слова в бессмыслицу. Врач не торопила. Когда он начал путаться, она вернулась к последнему понятному событию и попросила про-

должить оттуда.

Потом его осмотрели. Спросили о самочувствии, лекарствах, сне и том, что он помнит о днях в больнице. Некоторое время разговаривали с ним без Клэр. Он отвечал уже медленнее. С каждым повторением рассказ становился привычнее, но сам Дэниел меньше верил, что кому-то удастся вместить его целиком.

Когда Клэр вернулась, врач сказала, что им нужно сопоставить прежние записи с тем, что происходит сейчас, и продолжить оценку. Полное неузнавание семьи нельзя было просто добавить к списку ожидаемых неудобств после травмы.

Дэниел спросил:

— Вы думаете, я всё выдумал?

— Я думаю, вы описываете то, что переживаете. Пока я не могу объяснить, почему это происходит.

Ответ ему не понравился. Он хотел более определённого, даже если бы определённость оказалась неприятной.

— Но какая-то из этих жизней настоящая.

Врач посмотрела на него.

— Сейчас вы здесь. У вас есть травмы, которые мы наблюдаем, и новые сведения о памяти. С этим мы можем работать.

Клэр положила ладони на колени. Он видел, что и ей хотелось услышать другое.

* * *

Часть дня прошла в ожидании.

Их переводили из одного помещения в другое, возвращали к тем же вопросам, оставляли одних. Дэниел устал от собственного имени. Каждый раз оно подтверждало слишком мало.

Клэр принесла ему сэндвич. Он не захотел есть, потом всё же развернул упаковку. Вчера — в другом вчера — он сидел с таким же обедом у сквера. Там женщина не могла открыть упаковку, потому что дети тянулись к еде. Здесь Клэр сама надорвала край и передала ему.

— Там у тебя никого нет? — спросила она.

Он перестал жевать.

— В смысле?

— Семьи.

— Нет.

— А у Майкла?

Дэниел рассказал то, что знал. Он старался не превращать друга в доказательство. У Майкла были свои отношения, свои поездки, вещи, которые он не обсуждал в офисе. Дэниел вдруг понял, что знает о нём много смешного и гораздо меньше важного, чем привык считать.

Клэр слушала, глядя на упаковку сэндвича.

— И тебе там хорошо?

Он не ожидал вопроса.

— По-разному.

— Прости. Не надо отвечать, если не хочешь.

— Я хочу.

Он отложил еду.

— Мне там всё знакомо. Я знаю, куда идти, когда встаю. Знаю, что сказать Майклу. Там я не всё время ошибаюсь в вещах, которые должен помнить.

Клэр кивнула. Он услышал в собственных словах, что этой знакомой жизни достаточно, чтобы захотеть вернуться. Ей, наверное, было слышно то же.

— Но я вчера скучал по вам, — сказал он.

Она подняла глаза.

— Ты нас не знаешь.

— Знаю вчерашний день.

Клэр некоторое время смотрела на него, потом отвела взгляд.

— Я не знаю, что с этим делать, Дэн.

— Я тоже.

Она не улыбнулась. Дэниел был благодарен, что не попыталась утешить его заодно с собой.

Он рассказал про серую тетрадь. Про то, как записывал театр Бена и её чертёж. Клэр спросила, есть ли тетрадь с ним. Он покачал головой.

— Она осталась там.

— Понятно.

По её голосу он понял: ничего не понятно, и они оба устали делать вид, что одно объяснение помогает другому.

Зазвонил телефон. Клэр ответила Эмме, отошла к окну и

спросила, поела ли она. Несколько раз сказала «да», затем: «Я пока не могу обещать, что к ужину».

Дэниел отвернулся. Разговор дочери с матерью не касался его напрямую, хотя возник из-за него. Он слышал только паузы и пытался не заполнять их воображением.

Когда Клэр вернулась, он спросил:

— Она сердится?

— Она испугалась.

— Из-за того, что я опять здесь?

— Из-за того, что вчера ты благодарил мою маму, как чужую женщину. Из-за того, что спрашивал про грибы. Она заметила, Дэн. Просто решила сначала спросить меня.

Он опустил голову.

Клэр села рядом.

— Мы скажем им, что у тебя сложности с памятью. Без историй, которые они будут пытаться проверить вместо тебя. Ты согласен?

— Да.

— И если ты чего-то не знаешь, лучше спроси. Не нужно угадывать всё подряд.

Дэниел кивнул.

— Как зовут твою маму?

Клэр закрыла глаза. Вопрос был простым, но впервые показывал ей, насколько далеко простирается незнание.

— Рут.

— Рут, — повторил он.

Она посмотрела на него и вдруг устало улыбнулась.

— Ты называл её главным организатором любых событий, включая погоду. Она считает, что ты был к ней несправедлив.

Дэниел попробовал представить, как сам произносит такую шутку. Получилось легко. Воспоминания за ней не было.

* * *

К вечеру стало ясно, что его оставят ещё на ночь.

Клэр позвонила домой. Дэниел слышал, как она объясняет Бену, что это нужно для наблюдения, а не потому, что папа куда-то ушёл сам. Потом передала ему телефон.

— Театр пока стоит, — сообщил Бен.

— Хорошо.

— Бабушка хотела переставить.

Дэниел посмотрел на Клэр.

— Рут?

Бен удивлённо фыркнул.

— Конечно.

— Скажи ей, пожалуйста, что я просил пока оставить там.

Если никому не мешает.

— Мешает Эмме. Но не очень.

Они поговорили ещё немного. Бен рассказал, что починил одну фигурку, и захотел показать её в камеру. Экран качнулся, перед глазами Дэниела промелькнули диван, ковёр и большой палец. Потом возник бумажный человек с приде-

ланной рукой.

— Видишь?

— Вижу.

— Теперь он может нести стул.

Дэниел похвалил новую руку. Бен удовлетворённо кивнул и исчез из кадра, передав телефон бабушке. Рут спросила, нужно ли что-нибудь привезти. Он сказал, что пока всё есть, и на этот раз назвал её по имени.

После звонка Клэр собрала вещи. Ей нужно было вернуться к детям. Она задержалась у кровати.

— Я приеду утром.

— Хорошо.

— Ты узнаешь меня?

Она сказала это почти шутливо, но Дэниел ответил серьёзно:

— Теперь да.

Клэр потянулась к нему, остановилась и спросила:

— Можно тебя обнять?

Он кивнул.

Она обняла осторожно, бережно обходя больной бок. Дэниел почувствовал знакомый запах её волос — уже знакомый, после одного дня. Он не знал, как долго должен держать руку у неё на спине, и Клэр сама отступила, когда захотела.

— До утра, — сказала она.

Дэниел проводил её взглядом.

Потом попросил у сестры лист бумаги и ручку. Записал

номер Клэр, название больницы и сегодняшнее число. Ниже — Рут, Эмма, Бен. Он собирался запомнить цифры наизусть, но через несколько минут начал путаться и отложил лист.

Свет в палате приглушили. За стеной кто-то кашлял, по коридору прошли люди. Дэниел лежал и ждал сна с тревогой, которая раньше относилась только к пробуждению.

Он думал о Клэр в машине, о детях дома, о незаконченной странице в серой тетради. Ни одна из этих вещей не казалась ему менее настоящей из-за того, что сейчас была далеко.

06. Две тетради

Наутро серая тетрадь лежала там, где Дэниел её оставил, — раскрытая на кухонном столе. Чашка у раковины была пустой. Ни больничного листа с номером Клэр, ни её самой в квартире не оказалось.

Дэниел сел и написал: «Среда».

Под словом «сон» появились новые строки. Он записал разговор в спальне, больницу, имя Рут. Попробовал восстановить номер телефона. Первые цифры помнил уверенно, последние перепутал. Он несколько раз набрал их в разном порядке на полях и перестал: теперь уже нельзя было отличить то, что действительно видел на листе, от только что придуманных вариантов.

Ему хотелось позвонить Клэр и спросить, доехала ли она вчера домой. Но здесь никакого «вчера» с её машиной и детьми не было. Он умылся, оделся и поехал в офис, где никто не знал, что ему пришлось провести ещё один день в больнице.

Работа помогала ровно до той минуты, пока не оставляла времени подумать. Дэниел разговаривал с заказчиками, сверял количества, искал срок отгрузки. Потом мог минуту посмотреть на пустую строку, вспоминая, как Бен показывал фигурку в камеру.

Майкл спросил, выспался ли он.

— Не очень.

— Опять три романа за ночь?

Дэниел улыбнулся и сказал, что пора бы написать хотя бы один наяву. От шутки стало неприятно: Майкл ничего не знал и всё равно попал в самое больное место.

Вечером Дэниел записал рабочий день так же подробно, как больничный. Две доставки, разговор с Томом, кофе, который Ханна пролила на пустую коробку и немедленно объявила это испытанием упаковки. Запись заняла меньше страницы. Он удивился, сколько событий может исчезнуть, если не пытаться их удержать.

Перед сном он положил в ладонь монету. Ничего опасного или сложного: обычная монета, которую можно узнать по тёмному пятну у края. Дэниел закрыл пальцы, лёг на спину и долго чувствовал металл в руке.

Потом его разбудили в палате, чтобы спросить о самочувствии.

Монеты не было.

* * *

Клэр приехала утром с чистой рубашкой. Пока они ждали разговора с врачом, Дэниел рассказал, что опять побывал в квартире. Он говорил уже без попытки сделать рассказ правдоподобнее.

— Там была среда. Я ходил на работу.

Клэр присела на край стула.

— А здесь воскресенье.

— Знаю.

Он показал ей пустую ладонь и рассказал про монету. Она выслушала, потом спросила:

— Ты мог просто разжать руку во сне?

Дэниел помедлил.

— Мог.

— Тогда пока это ничего не объясняет.

Он почувствовал раздражение — короткое, несправедливое. Клэр не отказывалась слушать. Она просто не соглашалась считать его первую проверку ответом.

— Я понимаю, — сказал он.

И через несколько секунд добавил:

— Наверное, надо было положить её в карман.

Клэр вздохнула. Потом неожиданно улыбнулась.

— Ты и там спишь в одежде с карманами?

Дэниел посмотрел на неё и тоже улыбнулся. Это был хороший вопрос.

После оценки его отпустили домой с дальнейшим наблюдением и договорённостью о следующих встречах. Объяснения другой биографии у него по-прежнему не было. Ему повторили, о каких изменениях нужно сообщать сразу; Клэр уточнила, кому звонить, если рассказ о двух жизнях повторится без новых телесных симптомов. Она записывала ответы в телефон, а Дэниел слушал и старался не воспринимать каждую паузу как признание, что никто не знает, что с ним делать.

Дома Бен потребовал проверить занавес. Дэниел проверил. Эмма поздоровалась и показала, куда убрала его очки, чтобы брат не сел на них. Он поблагодарил её, но уже не так торжественно, как благодарил Рут за обед.

Клэр нашла для него чистую синюю тетрадь.

— Здесь можешь записывать. Чтобы не пытаться всё удерживать в голове.

Он провёл ладонью по обложке. Цвет был ярче, чем у серой тетради, бумага чуть плотнее.

— Она твоя?

— Теперь твоя. У меня их слишком много.

В первой строке он написал «Воскресенье». Клэр поставила рядом чашку и ушла в кухню.

* * *

Монета нашлась в квартире, в складке простыни. Пятно у края было на месте.

Дэниел положил её на стол и занёс результат в серую тетрадь. Он не мог доказать, что монета не побывала где-то ещё, пока он спал. Зато мог проверить, что утром она оказалась здесь. Так и написал.

Следующие проверки были похожи на попытку договориться с упрямым человеком, который вообще не считает нужным отвечать.

В доме Дэниел сделал ручкой маленькую точку на ногте правого большого пальца. В квартире точки не было. При следующем возвращении к семье она сохранилась, слегка

стёртая у края. Он показал её Клэр. Она посмотрела, спросила, записал ли он это, и предложила сначала поесть, потому что суп остывал.

Однажды он заснул, оставив книгу на одеяле. В квартире проснулся под своим старым покрывалом, без книги. Когда вернулся в дом, книга лежала на тумбочке: Клэр убрала её, чтобы он не смял страницы. Она помнила это действие, могла сказать, почему сделала, и не находила в нём ничего загадочного.

Дэниел записал и её ответ.

Телефонный номер он в конце концов выучил. В квартире несколько раз набирал его и слышал, что соединиться не удалось. Клэр никаких пропущенных звонков не видела. Дэниел перестал повторять попытку после того, как понял: он каждый раз ждёт её голоса с такой силой, что обычное сообщение оператора делает весь день хуже.

Он пробовал уточнить адрес дома, найти знакомый поворот, восстановить дорогу по памяти. Часть улиц совпадала. На части он обнаруживал, что помнит лишь окна машины и собственную головную боль. Он пока слишком плохо знал маршрут, чтобы считать несовпадение доказанным. В серой тетради возникла отдельная колонка: «Не уверен».

В неё попадало всё больше.

При этом обычные вещи держались устойчиво. В офисе продолжался заказ, начатый позавчера. Ханна помнила обещание Дэниела проверить для неё один счёт и напомнила о

нём с совершенно заслуженным раздражением. Майкл опять пожаловался на полку. В доме засыхал клей на бумажном театре, Клэр меняла чертёж, на левом предплечье под повязкой заживала рана.

Дэниел видел, как меняется её край при перевязке. Сначала кожа тянула почти от любого движения; через несколько дней он уже мог надевать рубашку без помощи. Правый бок болел, если он резко поворачивался, но не каждое дыхание отзывалось в нём. Тело не начинало всё сначала при каждом пробуждении.

Дэниел обнаружил, что ждал именно этого. Скрытого сбоя, который позволит сказать: вот здесь начинается сон. Пока обе жизни только добавляли новые события к прежним.

* * *

На одной из встреч он рассказал врачу о тетрадах. Синюю читали выборочно; о записях в серой он рассказывал по памяти. Задавали вопросы, возвращались к последовательности сна и пробуждений. В другой день Дэниел разговаривал со специалистом дольше, чем рассчитывал, и вышел уставшим, но без ощущения, что его пытались поймать на лжи.

Он отвечал о страхе, о том, что помнит, о том, как переносит неузнавание семьи. Слово «семья» всё ещё приходилось мысленно примерять к конкретным лицам. У него были сведения об этих людях, появились общие дни, но прежних лет не возникало.

Наблюдение продолжалось. Никто не обещал, что одна хорошая ночь вернёт ему всю память, и это злило меньше, чем первые осторожные утешения.

Однажды, вернувшись в квартиру, Дэниел решил не спать.

Он не собирался делать из этого большое испытание. Просто хотел провести ночь, которая останется в одной жизни от начала до конца. Поставил чай, включил негромкую музыку и сел за стол.

До полуночи было легко. Он ответил на письма, посмотрел короткое видео, прочёл несколько страниц чужого романа. Потом начал возвращаться глазами к одному абзацу. Слова не удерживались.

Дэниел встал, прошёлся по квартире и умылся. Сел снова. В какой-то момент ему показалось, что из коридора позвали. Он снял наушник, прислушался и услышал только работающий холодильник.

На экране погасло изображение. Дэниел коснулся мыши. Следующее, что он заметил, было солнечное пятно на одежде в спальне за городом.

Он лежал, уставший от собственной борьбы со сном, и не мог вспомнить, в какое мгновение её проиграл.

Клэр принесла воду. Дэниел рассказал ей о ночи, прежде чем она успела спросить.

— Мне кажется, я вообще не отдыхаю, — сказал он.

— Давай это тоже запишем для следующего разговора с

врачом.

Он отвернулся к окну.

Клэр подождала, потом поставила стакан на тумбочку.

— Я не знаю, как проверить то, что ты рассказываешь. Но я вижу, когда тебе хуже. Пожалуйста, не решай всё один.

Он хотел возразить, что именно один и остаётся в каждом переходе. Потом посмотрел на её лицо. Клэр тоже приходилось просыпаться рядом с человеком, который каждый день приносил отсутствующие у неё воспоминания. Она не могла даже проверить, сколько времени он считает прошедшим с их последнего разговора.

— Больше не буду пробовать таким способом, — сказал Дэниел.

Клэр кивнула и села рядом, не забирая у него тетрадь.

* * *

Он начал различать дни по тому, что делал с людьми.

В квартире была пятница, когда они с Майклом долго выбирали, что заказать на обед, и в итоге взяли то же самое, что всегда. В доме наступил вторник, когда Эмма попросила придержать ткань, а потом пожаловалась, что он держит слишком крепко. Дэниел записал оба эпизода вечером. Сперва для последовательности, потом потому, что не хотел потерять, как Эмма наконец позволила ему помочь.

Через некоторое время он перестал заносить в тетрадь каждую чашку и каждый звонок. Записывал переход, заметные изменения самочувствия, то, что собирался спросить

или проверить. Между такими строками оставалось место для обычных вещей.

Клэр однажды спросила, почему он поставил возле её имени галочку.

— Хотел спросить про поездку. Потом спросил.

— А я подумала, ты проверил, что я на месте.

Дэниел посмотрел на страницу и вычеркнул галочку.

— Лучше словами, — сказал он.

Клэр взяла тетрадь, прочла короткую запись и вернула.

— Сам решай, как тебе удобнее. Только иногда я буду отвечать: «Потом». Это не значит, что я что-то скрываю.

— Я понял.

Он не был уверен, что понял до конца. Каждый её несказанный ответ тянул за собой целую жизнь, которой он не помнил. Но теперь хотя бы слышал просьбу, стоящую за словом «потом».

Вечером Бен потребовал, чтобы взрослые перестали обсуждать расписание и посмотрели, как открывается занавес. Эмма сказала, что давно пора: представление длится меньше, чем подготовка к нему.

Дэниел закрыл синюю тетрадь. Бен поставил театр на стол, откашлялся, как видел у кого-то из взрослых, и дёрнул нитку.

На этот раз занавес открылся полностью.

07. Большое окно

В субботу Клэр заняла обеденный стол. Дэниел спустился за кофе и увидел на нём дом без крыши: белые стены, тонкие перегородки, длинный прямоугольник окна. Рядом лежали линейка, нож и несколько скомканных листов, с помощью которых она пыталась объяснить что-то Бену.

— Но сюда же можно войти, — настаивал он.

— Можно. Только тогда за тобой никто не пройдёт.

Бен держал между пальцами бумажного человека. Тот почти касался головой верха стены.

— Он пригнётся.

— Проблема с его коленями.

Клэр показала, как фигурка, сев на нарисованную скамью, перекрывает собой весь проход. Бен подумал и положил человека на бок.

— Пусть пока поспит.

Дэниел рассмеялся. Клэр подняла голову; на секунду её лицо стало таким, каким он видел его во время редких домашних шуток: без готовности к следующему вопросу о памяти.

— Кофе в кофейнике. И осторожно с этой стеной, она ещё не схватилась.

Он налил себе чашку и остался стоять у стола. Под рубашкой больше ничего не мешало предплечью: повязку уже сня-

ли, розовая полоска тянула только при некоторых движениях. Бок всё ещё напоминал о себе, если Дэниел забывался и поворачивался всем корпусом за падающей вещью. Зато сегодня голова не болела. Ему хотелось воспользоваться этим прежде, чем начнут спрашивать о самочувствии.

— Это та библиотека?

Клэр кивнула.

— Мне нужно показать им, почему нельзя просто расставить высокие стеллажи по всей длине. На плане они согласны, а потом снова присылают рисунок с тем же коридором.

— Кому показать?

— Тем, кто будет в ней работать. И тем, кто за неё платит. Иногда это разные разговоры.

Она вынула из коробки две белые полоски, поставила поперёк комнаты и поднесла модель к окну. Свет лёг на пол маленького здания, но почти сразу оборвался за перегородками.

— Видишь?

Дэниел присел. В офисе он постоянно смотрел на чужие планы, представляя, где окажутся светильники, но до сих пор не видел, чтобы кто-то так просто и увлечённо двигал солнце по бумажному полу.

— Здесь к середине дня будет темно.

— Вот. А они спрашивают, почему я всё время возвращаюсь к окну.

Она убрала одну перегородку. Бен немедленно разбудил

своего великана и уложил его на освещённое место.

— Теперь хорошо.

— Твоему человеку везде хорошо, если можно лежать, — сказала Клэр.

Дэниел провёл пальцем над краем модели, не касаясь его.

— А здесь будут дети?

— Здесь часть детских книг. Читать можно будет и в других местах. Я не хочу загонять всех с детьми в отдельный угол, откуда им потом стыдно выйти.

Она показала низкие полки, место для коляски, стол, у которого можно пересидеть дождь, ничего не покупая. Заговорила быстрее. Дэниел слушал и постепенно начинал видеть не белый картон, а мокрые куртки на спинках стульев, пакет с продуктами под ногами, человека, который зашёл на десять минут и остался на час.

— В мастерской раньше делали мебель, — сказала Клэр. — Там до сих пор на одной стене есть карандашные отметки. Чьи-то размеры. Их хотят закрасить, а мне жалко.

— Можно закрыть прозрачной панелью.

— Можно. Только сперва надо понять, какие стоит сохранить. Там за последние годы успели написать много всякого.

Она улыбнулась и повернула модель к нему другой стороной.

— Я хочу, чтобы здесь оставалось видно, для чего здание придумали раньше. Хотя бы в нескольких местах.

— И как часто тебе придётся туда ездить?

Вопрос выскочил раньше, чем Дэниел успел спросить про вход.

Клэр опустила модель на стол.

— Пока не знаю. На следующей неделе дважды. Потом зависит от работ.

— С ночёвкой?

— Возможно.

Он взял чашку, сделал глоток и обжёг язык. Бен попытался поставить великана на маленькую скамью; бумага согнулась пополам.

— Я спросил, чтобы знать, как всё устроить, — сказал Дэниел.

Клэр несколько секунд молчала.

— Сегодня я показываю тебе библиотеку.

Он поставил чашку.

— Да. Прости.

Она не стала говорить, что ничего страшного. Подцепила ногтем выступившую каплю клея и сняла её со стены.

Дэниел всё-таки спросил про вход. Клэр ответила сначала коротко, потом взяла карандаш и показала на чертеже старую ступеньку, которую собирались убрать. Через минуту она опять говорила с прежней быстротой, а он уже не пытался вычислить по каждому глаголу, сколько дней проведёт без неё.

Из коридора появилась Эмма с тёмным платьем на вешалке.

— Мама, ты не видела маленькие ножницы?

Клэр показала на коробку у своих ног.

— Только не режь ничего этими. Они для бумаги.

— Я знаю.

Эмма забрала коробку, раскрыла и сразу нахмурилась.

— Тут нет.

— Посмотри под катушками.

— Там тоже.

Бен тихо взял своего человека и сдвинулся в сторону.

— Бен.

— Я только голову делал.

Ножницы нашлись под диваном, рядом с шестью бумажными головами. Две были без ушей. Эмма собрала их в ладонь и принесла брату.

— Население твоего театра.

— Это не разные люди. Я выбирал.

Дэниел ещё раз засмеялся и тут же прижал ладонь к боку.

Бен посмотрел на него с тревогой.

— Всё нормально, — сказал Дэниел. — Просто пока осторожнее надо.

Эмма повесила платье на спинку стула. На нём не хватало нескольких пуговиц, а у одного рукава была распущена строчка.

— Для выступления? — спросил он.

— Да.

— Ты его сама делаешь?

— Переделываю. Оно из школьного шкафа. Мне разрешили, если потом можно будет вернуть.

Он представил магазин, где можно за один раз решить все эти сложности, и сказал:

— А может, купить другое? Тебе не придётся столько возиться.

Эмма подняла платье повыше.

— Но мне это нравится.

— Я не про то, что оно плохое.

— Я знаю. Мне нравится переделывать.

Она сказала это без обиды, как объясняла Бену правила, которых тот ещё не успел нарушить. Потом приложила к воротнику узкую светлую полоску ткани.

— Смотри. Если здесь будет такая линия, лицо видно лучше. И можно убрать вот эту штуку, она всё время выворачивается.

— Воротник?

— Нет. Вот это. Внутри.

Она вывернула край, показала ему мягкую прокладку и снова разгладила платье. Он потянулся за вешалкой и подождал, пока Эмма закончит.

— Тебе что-нибудь придержать?

Эмма оценила его руки.

— Потом. Сначала нужны две одинаковые пуговицы. Эти я уже везде искала.

— У меня есть, — сказал Бен.

Он принёс пластиковый кружок от сломанной игрушки и монету. Эмма приняла только кружок — для головы другого персонажа, объяснила она. Бен разрешил, но попросил вернуть, если передумает.

* * *

В магазин они пошли втроём: Дэниел, Эмма и Бен. Клэр осталась за моделью. У двери она задержала Дэниела, пока дети спорили, кто возьмёт складной зонт.

— Если устанешь, сразу возвращайтесь. Там можно сесть в пекарне напротив.

— Хорошо.

— Я не прошу тебя доказывать, что уже всё можешь.

— Я просто иду за пуговицами.

Клэр чуть улыбнулась.

— Тогда возьми образец. Он на тумбочке.

Дэниел уже открыл дверь и вернулся за маленьким конвертом. Эмма наблюдала за ним с выражением человека, который заранее знал, что самое важное забудут.

До магазина оказалось минут пятнадцать пешком. Он не пытался узнавать дорогу: Эмма шла впереди и сворачивала без колебаний. Бен переступал через трещины, периодически терял счёт и начинал заново. Дэниел спросил, кого Эмма играет.

— Женщину, у которой все сняли комнаты и никто вовремя не платит.

— Главная роль.

— Не очень. Зато она всё время сердится.

— Удобно.

Эмма посмотрела на него, проверяя, смеётся ли он над ней. Потом сказала одну из реплик таким усталым взрослым голосом, что Дэниел на секунду увидел перед собой женщину с ключами от целого дома:

— Если к четвергу у вас снова не окажется денег, вам придётся рассказать свою удивительную историю кому-нибудь ещё.

— Отлично.

— Мисс Уолш говорит, я слишком быстро говорю конец.

— Попробуй сначала посмотреть на него.

— На кого?

— На того, кто тебе должен. Пусть он думает, что ты ещё не закончила.

Эмма повторила. На этот раз остановилась после «денег», нахмурилась и произнесла остаток медленно.

— Так она как будто его убить собирается, — заметил Бен.

— Поэтому тебе не дают роль должника, — сказала Эмма.

Они засмеялись, и она ещё несколько раз пробовала реплику по дороге. Дэниел слушал. Он обнаружил, что может слышать разницу, но объяснить её способен гораздо хуже. Когда он предложил растянуть одно слово, Эмма попробовала и покачала головой.

— Так на нашу учительницу похоже.

— Может, это полезно.

— Она будет в зале.

В магазине им выдвинули плоский ящик с отделениями. Дэниел никогда не думал, что тёмно-синие пуговицы способны так сильно различаться. Одни уходили в серый, другие блестели почти чёрным; продавщица положила рядом образец и сказала, что точно таких у них не будет.

Эмма пересчитала пуговицы на платье по памяти. Оказалось, можно заменить все четыре на одинаковые, если взять чуть меньшие. Продавщица дала ей кусочек ткани и позволила проверить, проходят ли они в петлю.

Бен тем временем нашёл коробку деревянных катушек.

— Это можно для театра?

— Если тебе нужна нитка, — сказал Дэниел.

— Нитка не нужна. Это колесо.

Продавщица достала из-под прилавка две пустые катушки и протянула ему. Бен посмотрел на Дэниела, словно они оказались перед неожиданным выгодным предложением, которое взрослый обязан оценить.

— Скажи спасибо.

— Спасибо. А их потом возвращать?

— Нет, оставь себе.

Он спрятал катушки в карман и сразу придержал рукой, чтобы не потерять.

На обратном пути дождь пошёл так быстро, что зонт успели раскрыть уже после того, как у Эммы потемнели плечи куртки. Бен хотел держать его сам. Над головой Дэниела ока-

зался металлический кончик, над Эммой — край стекающей воды.

— Давай повыше, — сказал Дэниел.

Бен поднял зонт, перекрыв себе обзор.

— Я теперь ничего не вижу.

Они остановились под навесом пекарни. Дэниел почувствовал, как устали ноги и затянуло правый бок. Ему не хотелось превращать простую прогулку в ещё одно возвращение с больным отцом.

— Можно зайти? — спросила Эмма. — Всё равно дождь.

Он был благодарен ей за это «всё равно» и не стал выяснять, специально ли она его добавила.

Внутри пахло горячим тестом. Они сели у запотевшего окна. Бен выложил на стол катушки и попробовал соединить их соломинкой. Эмма выбрала булочку, посмотрела на брата и попросила разрезать его такую же пополам.

— Я целую могу, — возмутился он.

— Половина всё равно упадёт.

В этот момент одна катушка скатилась под стол. Дэниел нагнулся, забыл про бок и замер. Эмма быстро достала её сама.

— Я бы тоже достал, — сказал Бен.

— Знаю, — ответила она.

Дэниел выпрямился и несколько секунд сидел неподвижно. Боль отпустила.

— Дома мне можно полчаса полежать, — сказал он. — А

потом помогу с тем, что вы собирались делать.

Эмма кивнула. Бен спросил, полежать — это до обеда или после. Оказалось, его заботило расписание работы над колёсами.

Они допили чай, дождались, когда дождь станет мельче, и вышли. Обратно зонт нёс Дэниел. Бен держался за его свободную руку, и каждые несколько шагов в кармане ребёнка негромко стукались деревянные катушки.

* * *

Клэр отодвинула модель, чтобы можно было обедать, но одна стена осталась у перечницы. Бен поставил рядом катушки. Стена превратилась в остановку для ещё не существующей машины.

— Пожалуйста, сначала поешь, — сказала Клэр.

— Я ем.

— Ложка за последний час не двигалась.

— Мы только сели.

— Значит, час будет очень длинный.

Дэниел сидел у края стола, вытянув ноги. Пока дети мыли руки, он успел сказать Клэр, что прогулка оказалась длиннее, чем ему хотелось бы. Она не спросила, зачем он тогда пошёл. Убрала с дивана рулоны бумаги и положила у подлокотника подушку.

После обеда он лёг и слушал, как в соседней комнате Клэр переставляет посуду. Эмма напевала одну и ту же строчку, прекращала на трудном месте и начинала снова. Бен шуршал

пакетом.

Дэниел не закрыл глаза. Он попробовал вспомнить, чем собирался заняться в квартире в ближайший выходной, и перед ним возник пакет с покупками, который надо разобрать, ванна, которую надо отмыть, недописанный абзац. Он знал весь порядок действий. Здесь, за полуприкрытой дверью, его присутствие уже входило в чужие планы, хотя он по-прежнему не мог угадать, на какой полке стоит чистая тарелка.

Бен показался в дверях.

— Ты отдыхаешь?

— Да.

— Уже долго?

— Ещё нет.

— Я могу тихо.

Он продемонстрировал, как можно пройти, не наступая полной стопой. Пакет в его руке громко затрещал.

— Лучше принеси сюда то, что хотел показать.

Бен ушёл и вернулся с коробкой. Из неё торчали картонная ось и соломинка, слишком короткая для обеих катушек. Пока Дэниел лежал, сын уже успел понять проблему и теперь требовал помочь найти что-нибудь длиннее.

— Для чего колёса?

— Чтобы дом ехал.

— Вместе со всеми?

— Конечно.

Бен объяснил, что в истории папа всё время не мог до-

браться домой, поэтому дом поедет к нему сам. У Дэниела нашлось несколько возражений: размер дома, улицы, трубы. Он не произнёс ни одного. Вместо этого спросил, кто будет им управлять.

— Пока никто, — сказал Бен. — Сначала надо, чтобы колёса держались.

Они нашли деревянную палочку в ящике с поделками. Дэниел придерживал коробку, Бен продевал ось. С первого раза та ушла слишком высоко, и дом волочил по столу нижний край. Бен хотел оторвать дно, но Дэниел предложил сначала опустить отверстия. На второй попытке конструкция поехала, слегка прихрамывая.

Эмма заглянула к ним с платьем в руках.

— Теперь мама будет ездить на кухне? — спросила она, выслушав замысел.

Бен задумался.

— И ты тоже.

— Только пусть предупредит, когда поворачивает.

Она оставила их и вернулась к шитью. Несколько минут спустя позвала Дэниела придерживать подол. Он поднялся медленно и переставил подушку на стул. Эмма посмотрела, как он устраивается, и предложила положить платье на стол, чтобы ему не приходилось наклоняться.

— Вот здесь. Только не тяни.

На ткани лежала длинная светлая нитка. Эмма вытаскивала её небольшими движениями, иногда поддевая кончиком

иглы. Дэниел держал край так осторожно, что тот выскальзывал.

— Можно чуть крепче, — сказала она. — Это не порвётся.

Он исправился.

Сверху сошла ещё одна нитка. Эмма расправила шов, примерила платье к себе и подвигала рукой. Дэниел спросил, когда выступление.

— Скоро. Нам ещё целую сцену ставить.

— Ты хочешь, чтобы я пришёл?

Она удивилась вопросу.

— Конечно. Если сможешь.

— Постараюсь.

— Только не снимай всё время. Мама может.

— Я так делал?

Эмма опустила платье.

— Ты всё время смотрел в телефон. Чтобы ровно было видно. Потом говорил, что хорошо получилось, а я не понимала, ты про видео или про меня.

Она произнесла это без подготовленной серьёзности; уже отыскивала вторую катушку ниток.

Дэниел хотел ответить, что теперь будет смотреть на неё. Обещание показалось слишком лёгким: он ещё не знал, в какой жизни проснётся в день её спектакля.

— Я понял, — сказал он. — Если смогу прийти, телефон уберу.

— И не пересказывай Бену заранее шутки. Он смеётся до того, как мы их говорим.

Бен из соседней комнаты крикнул, что всё слышит.

Клэр принесла большой лист и попросила освободить половину стола. Эмма собрала шитьё, но уходить не стала. Клэр разложила новый вариант плана; у окна появилась широкая скамья с разрывом посередине.

— Проход? — спросил Дэниел.

— И место, где можно сесть рядом с тем, кто приехал в кресле. Не в торце стола, где все ставят сумки.

Он смотрел на карандашные линии и представлял, как она объясняла это людям, предпочитавшим ровный ряд стеллажей. Ему захотелось увидеть её там, в ещё пустой мастерской, когда работа наконец начнётся всерьёз.

— Ты мне покажешь, когда можно будет приехать?

Клэр подняла глаза.

— Покажу.

— Без модели.

— Надеюсь. Носить настоящую библиотеку было бы тяжело.

Бен немедленно заявил, что для этого нужны колёса побольше.

Вечером Бен соединил все части своего дома. Пока Эмма искала в собственной комнате ленту, Дэниел читал на диване «Дом, в котором ждут». Теперь он дошёл до конца и знал, какой финал Бену так хотелось переделать. Питер воз-

вращался, Хелен открывала дверь, а Люси уже верила, что он придёт. Все опасности дороги оставались снаружи. В последних страницах было много нежности; Дэниел читал их медленно и понимал, почему ребёнку захотелось продолжения после двери.

Бен тем временем населил движущийся дом двумя бу-мажными людьми, собакой из другой игры и той самой головой, которую Эмма обещала вернуть. Собака мешала закрыть крышу, поэтому крыша осталась на стуле.

Клэр пришла посмотреть испытание. Бен придвинул дом к краю стола и объявил:

— Теперь они поехали за папой.

Дэниел протянул руку, чтобы поймать конструкцию, если колёса подведут. Дом проехал несколько сантиметров и уткнулся в книгу.

— Здесь тупик, — сказала Эмма, вернувшаяся с лентой. Бен отодвинул книгу. Дом поехал дальше.

08. Любимая сцена

Короткую встречу в книжном магазине отменили ещё тогда, когда Дэниел лежал в больнице. Теперь хозяйка магазина спрашивала, стоит ли искать новую дату. Майкл переслал её письмо без комментария, и Дэниел два дня не мог решить, что ответить.

Он уже прочёл «Дом, в котором ждут» и почти весь роман «До конца лета». Второй, «Неверный поворот», ждал на столе. Читать все три сразу оказалось плохой мыслью: к вечеру путались имена и приходилось возвращаться на несколько страниц. Врачебные встречи продолжались, головная боль стала реже, но усталость всё ещё приходила неожиданно, словно кто-то убавлял громкость происходящего.

В офисной квартире он по-прежнему не мог написать ничего похожего на книгу. Записи о доме росли, зато придуманный герой неизменно застревал между пробуждением и первым действием. Дэниел открывал документ, перечитывал начало, переставлял слова и ловил себя на том, что ожидает возвращения в кабинет, где всю эту работу уже кто-то выполнил.

После очередного пробуждения рядом с Клэр он позвонил Майклу.

— Мне нужно кое-что тебе рассказать, прежде чем мы ответим магазину.

Майкл приехал в тот же день. Сначала Дэниел говорил о том, что не помнит написания романов. Потом — о квартире и работе, которую помнит слишком хорошо. Про Майкла пришлось объяснять отдельно.

— То есть там я работаю с тобой?

— Да.

— И что я делаю?

— Продаёшь светильники. Споришь с доставкой. Иногда прикрываешь меня.

— Последнее хотя бы осталось.

Он улыбнулся, но после этого слушал уже без шуток. Дэниел показал синюю тетрадь, рассказал, какие разговоры состоялись с врачами и что знает Клэр. Майкл не попросил проверить, какой мир настоящий. Уточнил, как часто Дэниел засыпает днём, и надолго замолчал над записью, где рядом стояли разные дни недели.

— Я не знаю, что тебе на это сказать, — произнёс он наконец.

— Я тоже.

— Но про встречу давай решать исходя из того, что ты сейчас можешь.

Они обсудили двадцать минут чтения и разговора о тексте. Без рассказа об аварии, без попытки вспомнить перед людьми, где родилась каждая сцена. Майкл предложил заранее передать вопросы, чтобы Дэниел мог отказаться от неудобного. Несколько раз сказал, что магазин переживёт

ещё одну отмену.

Именно после этого Дэниел решил попробовать.

* * *

К дню встречи прошло около трёх недель с первой выписки. Майкл заехал после обеда. Клэр вышла проводить их до машины и сунула Дэниелу бутылку воды, которую он оставил в прихожей.

— Позвони, когда закончите.

— Я привезу его, — сказал Майкл.

— Я знаю. Пусть всё равно позвонит.

В машине Дэниел несколько раз проверил бумажную закладку. Сцена занимала четыре страницы. Он выбрал её сам, без помощи агента: девочка прислушивалась к матери, закрывшейся в ванной, а после говорила, что просто хотела узнать, когда освободится комната.

В этих страницах не было ничего, что он мог бы похвалить одним удобным словом. Девочка злилась на себя за страх, мать отвечала резче, чем собиралась, потом обе делали вид, что разговаривают о полотенцах. Дэниелу нравилось, сколько всего оставалось между репликами. Он читал отрывок Клэр, но не целиком: спросил, хорошо ли слышно, когда он не смотрит в книгу. Клэр стояла у раковины, выслушала первые строки и сказала, что да.

Теперь он думал, не следовало ли выбрать что-нибудь проще. Например, разговор двух мужчин в начале романа, где читатель точно знал, когда можно смеяться.

— У тебя лицо, как перед разговором с налоговым консультантом, — заметил Майкл.

— Он хоть задаёт вопросы по делу.

— Эти тоже. Иногда.

На красном свете Майкл протянул ему сложенный лист с договорённой последовательностью. Приветствие, чтение, два вопроса, подписи только желающим. Дэниел вернул бумагу.

— Я помню.

— Хорошо.

— А раньше я нервничал?

— Каждый раз говорил, что нет. По дороге обратно обычно жаловался, что зря съел перед встречей.

Дэниел посмотрел на пакет с недоеденным сэндвичем у своих ног. Майкл тоже посмотрел и усмехнулся.

Магазин был небольшим. Для стульев отодвинули стол с новинками, и покупательнице пришлось протиснуться к полке, пока хозяева переставляли последний ряд. Дэниел увидел плакат со своим лицом. На фотографии он сидел в том самом кресле в домашнем кабинете, чуть подавшись вперёд, будто только что придумал ответ лучше предыдущего.

Ему захотелось поправить воротник. Потом он заметил, что на снимке другая рубашка, и опустил руку.

Хозяйка магазина подошла без торжественной улыбки, поздоровалась с Майклом и спросила Дэниела, удобно ли

ему будет сидеть. Он был благодарен за обычный вопрос. Стул поставили чуть дальше от окна, воду — на низкий столик, и больше никто не стал обсуждать его состояние.

Люди постепенно занимали места. Дэниел слышал обрывки разговоров: кто-то опаздывал, кто-то забыл книгу дома, одна женщина попросила подругу купить ей потом открытку у кассы. Он ожидал оказаться перед сплошным вниманием к себе, но пока люди жили собственным днём. Это помогло больше, чем лист с последовательностью.

Когда его представили, он поднял голову. Пятнадцать или двадцать лиц повернулись в его сторону. В самом конце ряда женщина складывала мокрый зонт. Дэниел подождал, пока она устроится, и открыл книгу.

Первые две фразы прозвучали слишком тихо. Он услышал, как Майкл у стены осторожно отодвинул чашку, чтобы не мешала. Хозяйка магазина наклонилась к нему:

— Чуть громче, пожалуйста.

Дэниел вернулся к началу абзаца.

Девочка в книге стояла босиком у закрытой двери. Полоска света была узкой, неровной возле коврика; если подойти вплотную, собственная тень перекрывала её. Девочка отступала, чтобы снова увидеть свет, и спрашивала мать, долго ли она ещё будет. Мать отвечала, что только вошла. В соседней комнате работал телевизор, но никто его не смотрел.

Дэниел прочёл разговор без специальных голосов. На третьей странице пришлось перевернуть лист, и он вдруг испу-

гался, что потерял место. Палец нашёл следующую строку раньше, чем пауза стала заметной.

В конце мать открывала дверь, держа в руке мокрое полотенце. Девочка говорила, что ей самой нужно в ванную. Мать отступала; дочка проходила мимо, касаясь её рукава, и только внутри обнаруживала, что не знает, зачем пришла. Тогда она включала воду.

Дэниел дочитал последнюю фразу и закрыл книгу, оставив палец между страницами.

Первые хлопки прозвучали справа. Остальные присоединились чуть позже. Он успел подумать, что пауза означает неудачу, и теперь не знал, куда деть эту поспешную уверенность. Сказал «спасибо», взял воду и почувствовал, как дрожит горлышко бутылки у зубов.

Хозяйка магазина спросила, почему он выбрал именно этот эпизод.

— Мне нравится, что они обе пытаются поговорить и обе прячутся за бытовым вопросом, — ответил Дэниел. — Мать думает, что ребёнку нужно в ванную. Девочка делает всё, чтобы мать именно так и подумала. Хотя пришла за другим.

Он остановился. Объяснение показалось слишком аккуратным по сравнению с прочитанным.

— И мне жаль, что они не могут сказать это прямо, — добавил он.

Женщина во втором ряду кивнула. Кто-то провёл пальцем по краю обложки. Дэниел увидел, что эти люди держат од-

ну и ту же книгу по-разному: в чехле, без суперобложки, с листком из блокнота вместо закладки.

Следующий вопрос был о конце романа. Почему мать не возвращается жить в прежний дом, хотя отношения с дочерью становятся лучше?

Дэниел знал ответ, который хотел бы услышать сам. Он посмотрел на закрытую книгу и сказал:

— Если бы она вернулась, всё предыдущее могло бы выглядеть временной ошибкой. А она ведь не случайно уехала.

— Но вы оставляете возможность? — спросила хозяйка.

— Я её здесь вижу. Только она не обещание.

Он говорил о тексте, который прочитал впервые несколько дней назад. При этом ответ не казался притворством. Он действительно так думал и мог показать страницу, на которой возникла эта мысль. Дэниел немного расправил плечи.

Мужчина у прохода поднял руку, но Майкл заметно посмотрел на часы. Хозяйка магазина поблагодарила всех и сказала, что несколько экземпляров можно подписать у столика. Мужчина не обиделся; подошёл первым и спросил, стоит ли читать романы в порядке выхода.

Дэниел почти ответил, что пока сам проверяет это. Вместо этого назвал первую книгу и объяснил, чем она отличается от только что обсуждавшейся. Мужчина попросил написать имя его жены. Рука вспомнила подпись: быструю, с длинной последней чертой. Дэниел посмотрел на неё, узнавая движение, но не смог задержаться на этом ощущении —

следующая читательница уже положила книгу на стол.

Это была женщина с мокрым зонтом. Теперь он стоял у её ноги в пластиковом пакете. Книга выглядела старше остальных: затёртый угол, несколько загнутых страниц, плоское пятно на торце.

— Анне, пожалуйста.

Дэниел вывел имя. Женщина дождалась, пока он отнимет ручку от бумаги.

— Я хотела сказать спасибо именно за эту сцену. У меня она тоже любимая.

Он поднял глаза.

— Я рада, что вы её прочитали сегодня, — продолжила Анна. — Думала, скажу после, и всё равно чуть не ушла.

Она оглянулась. За ней никто не стоял: двое последних покупателей разговаривали с Майклом у кассы.

— Мы тогда расходились с мужем. Дочка уже была старше девочки в книге. Я всё время спрашивала, что с ней, а она говорила, что ничего. И бесконечно приходила ко мне с какой-нибудь ерундой. Зарядку найти. Посмотреть, что за пятно на кофте. Я сердилась.

Анна провела ладонью по обложке, не закрывая её.

— Когда прочитала про дверь, подумала, что, может быть, дело не в зарядке.

Дэниел хотел спросить, поговорили ли они потом, но она ответила сама:

— Нет, большого разговора у нас сразу не вышло. Я про-

сто стала иногда сама заходить к ней. С какой-нибудь ерундой.

Она улыбнулась. Дэниел тоже.

— Не каждый раз это нравилось, — добавила Анна. — Она говорила: «Мам, я занята». Зато теперь иногда присылает такие вопросы сообщением. Я уже не тороплюсь объяснить, как найти ответ в интернете.

Дэниел посмотрел на подпись под её именем. Он не мог сказать, что ради этого написал роман. Даже уверенности, что написал его, у него не было. Но Анна стояла перед ним и ждала обычного человеческого ответа.

— Спасибо, что рассказали, — сказал он.

Она забрала книгу и начала убирать её в сумку. Ручка зонта зацепилась за ремень. Дэниел помог освободить её, и эта мелочь позволила им попрощаться без неловкого торжественного окончания.

После её ухода он ещё некоторое время сидел у столика. Хозяйка магазина предложила чай. Дэниел согласился, хотя собирался сразу проситься домой. Ему хотелось задержаться в комнате, где никто не знал, кем ещё он бывает по утрам, а его имя на обложке не требовало объяснений.

Майкл сел рядом.

— Как ты?

— Устал.

— Голова?

— Пока нормально.

— Тогда допивай, и поехали.

Дэниел сделал глоток. Чай был крепким и почти холодным.

— А раньше такое случалось?

Майкл проследил за его взглядом к двери.

— Да. Не на каждой встрече.

— Ты знал, что кому-то помогает именно это?

— Иногда люди пишут. Я пересылаю тебе письма, если они не просят иначе. Ты не всегда отвечал сразу, но читал.

Дэниел провёл большим пальцем по краю чашки. Ему захотелось немедленно открыть старую почту, найти эти письма, собрать свидетельства, что человек с его именем сделал что-то полезное. Он узнал в этом желании ту же жадность, с которой в первые дни смотрел на дом.

Майкл тем временем допил остаток чая из собственной чашки и сморщился.

— Зачем я это сделал?

Дэниел засмеялся.

— Он с самого начала был такой.

— Мог бы предупредить.

Дэниел достал телефон и позвонил Клэр. Сказал, что всё закончилось и они скоро будут. За её голосом стучала посуда; Бен что-то требовал с дальнего конца комнаты. Он услышал дом раньше, чем вошёл в него, и на несколько секунд это показалось совершенно привычным.

* * *

Эмма спросила о встрече уже после ужина. Клэр складывала в посудомоечную машину тарелки, Бен пытался вспомнить, куда убрал собаку из театра. Дэниел сидел у стола, собираясь подняться в кабинет. Книгу он положил рядом с телефоном.

— Много людей было?

— Не очень. Почти все стулья заняли.

— И что ты читал?

Он открыл книгу на закладке. Эмма посмотрела, а потом взяла её сама. Пальцы задержались на верхнем углу страницы.

— Это опять про ванную?

— Да.

Она пролистала назад, будто хотела проверить место, которое и без того знала.

— Зачем именно это?

— Мне понравился эпизод.

Эмма закрыла книгу. От резкого движения закладка соскользнула на стол.

Клэр перестала складывать посуду, но не повернулась сразу. Бен нашёл собаку под полотенцем и побежал в гостиную.

— Что случилось? — спросил Дэниел.

Эмма смотрела на его руку возле книги.

— Ты не помнишь.

— Нет.

— Это я делала.

Он не сразу понял, насколько буквально она говорит.

— Стояла у двери?

Эмма кивнула и передвинула книгу подальше от себя.

— Когда была маленькая. Если мама не отвечала, я смотрела, есть ли там свет.

Клэр закрыла посудомоечную машину и села по другую сторону стола. Дэниел перевёл взгляд на неё.

— Я могу сама рассказать, — сказала Эмма.

— Конечно, — ответила Клэр.

Дэниел снова посмотрел на дочь.

— Почему она могла не ответить?

— Потому что мыла голову. Или не слышала. Я не знаю. Мне казалось, если долго тихо, её там уже нет.

Она пожала плечом, раздражённая необходимостью объяснять сегодняшними словами страх, который уже переросла.

— Я понимала, что она не может выйти через стену. Всё равно проверяла.

— А мне ты рассказывала?

— Да. Ты тогда сидел со мной на лестнице. Мама собиралась куда-то утром, а я не хотела, чтобы она уходила. Потом мы все опаздывали.

У Дэниела не возникло даже обрывка картинки. Он мог представить лестницу, потому что поднимался по ней каждый день, но это была сегодняшняя лестница. Рядом с ним сидела нынешняя Эмма и ждала, что он скажет о поступке

человека, которого не помнит.

— Я не знал, что взял это у тебя, — произнёс он.

Она нахмурилась.

— Тогда ты знал.

Дэниел опустил глаза.

— Тогда — да.

Несколько секунд было слышно, как в гостиной Бен двигает коробку по деревянному полу.

— Ты просила убрать? — спросил Дэниел.

— Когда прочитала. Ты сказал, там другая девочка и никто не догадается.

Он вспомнил Анну с затёртой книгой. Та тоже узнала в сцене собственного ребёнка. Ему захотелось рассказать об этом Эмме: объяснить, что слова могут перестать принадлежать одному случаю и оказаться нужными кому-то ещё. Он уже набрал воздух, но увидел, как она отвела взгляд к двери.

— Пожалуйста, больше не читай это перед людьми, — сказала Эмма.

— Хорошо.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Правда?

— Правда. Выберу другое.

— И не говори там, что я попросила.

— Не скажу.

Эмма подцепила ногтем край бумажной закладки, но оставила её на месте. Казалось, она собирается спросить ещё

что-то. Вместо этого встала и сказала, что пойдёт заниматься.

Дэниел хотел позвать её обратно. Ему было мало собственного «хорошо»: он ещё не успел показать, что понял, не успел сделать разговор таким, после которого человек уходит спокойнее. Но Эмма уже поднялась по лестнице, и Клэр не стала её останавливать.

— Ты слышала, какой отрывок я собирался читать, — сказал он, когда они остались вдвоём.

Клэр некоторое время смотрела на него.

— Первые строки. Я тогда собирала вещи на встречу. Не поняла, что ты выбрал целиком этот эпизод.

— Я подумал, если бы там было что-то...

Он не закончил.

— Дэн, я не просматриваю за тебя всё, что ты читаешь публично.

— Я понимаю. Прости.

Она подвинула к себе чашку, покрутила её за ручку.

— Раньше вы уже разговаривали. Я не знала, что надо начать заново ещё и это.

Дэниел потёр ладонью лоб. Он приехал домой с облегчением, которого не испытывал несколько недель, и теперь сердился на то, как быстро оно исчезло. Эмма не сделала ничего плохого. Клэр тоже. Злость всё равно искала кого-нибудь поблизости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.